



**ПРИЯЗНИ
ДОБРЫЕ
ПЛОДЫ**

2008

Армавир. 2008.

ББК 63.3 (2)
П 77

© Армавирский государственный педагогический университет. Краснодарский краевой общественный фонд культуры Кубанского казачества «Линеец». Приязни добрые плоды (издание 2-е, дополненное) /Под ред. В.Б.Виноградова, С.Н.Лукаша. – Армавир. 2008.

2-е, дополненное издание данного сборника финансировано Кубанским краевым общественным фондом культуры Кубанского казачества «Линеец» в качестве научно-просветительской акции, адресованной читательской аудитории Юга России. Оно посвящено показу месту и роли конкретных исторических лиц в процессе восходящего знакомства, сближения, а затем и культурно-государственного единства, местных народов на протяжении почти тысячелетия.

Акцент на проблематику Чечни и Ингушетии сделан не случайно: население этих республик (прежде всего молодежь) в результате известных событий 1990-х годов практически лишено объективных сведений о фактах, событиях и людях, обеспечивших становление органической целостности этого региона в составе многонационального Российского государства, подвергаемого постоянным вызовам и испытаниям.

Сборник предназначен цели исторического образования и патриотического воспитания наших современников.

ISBN 978-5-93750-190-5

© В. Б. Виноградов, 2008
© С. Н. Лукаш, 2008

НАВЕКИ В РОССИИ **(от редакторов)**

Первое издание этого сборника состоялось в г. Грозном (Чечено-Ингушская АССР) ровно 20 лет назад. С тех пор он стал библиографической редкостью и практически недоступен современным читателям Юга России. Этому немало способствовали и трагические события, последовавшие вслед за развалом СССР и разгулом сепаратистских настроений на Северном Кавказе, которые прямо посягнули на государственное единство Российской Федерации.

Сейчас положение дел меняется в лучшую сторону, чему в известной степени содействует непрерывная патриотическая и интернациональная по духу работа истинных россиян, в числе которых и многонациональный коллектив историков, вот уже 15 лет концентрирующийся в составе известной кавказоведческой научной Школы, вынуждено переместившейся из Чечни на Кубань (см. об этом, например: Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы. Материалы в честь 10-летия деятельности в АГПИ. – Армавир, 2002; Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: к 15-летию деятельности на Кубани. – Москва-Армавир, 2007).

Среди многих других его действий есть и регулярное проведение на протяжении последних десяти лет международных Кубанско-Терских научно-просветительских конференций «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа». Именно они, как ничто другое, тесно сплачивают повседневное сотрудничество Краснодарского краевого общественного фонда культуры кубанского казачества «Линеец» и актив историков, группирующихся вокруг кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета.

Именно в этом сообществе созрела идея переиздания материалов данного сборника, дополненных несколькими статьями, расширяющими его проблематику. Инициатива совпала с тем периодом в истории нашей многонациональной Родины, когда в большинстве республик Северного Кавказа прошла волна празднований юбилейных дат добровольного в своей основе вхождения местных народов в состав России (см., например: О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 13. – Москва; Армавир. 2007). Конкретные, чаще всего

малоизвестные деятели и участники длительного, противоречивого, сложного, но неуклонного процесса формирования государственного единства представлены на нижеследующих страницах. Они в существенной мере определили ту реальность, которая диктует нынешнюю судьбу народов Российской Северного Кавказа.

Остается добавить, что злободневность объективного решения проблемы добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России имеет непреходящее значение, в том числе в системе державно-патриотического воспитания сегодняшних сограждан-россиян.

Избавившись от уязвимых черт прямолинейности, упрощенности толкования, присущего периоду «директивной истории», она органически переросла в содержание той теории и практики «российской», которая определяется сейчас как наиболее действенный принцип и механизм изучения российско-кавказского единства, самого хронологически протяженного формирования общего мира, общего пространства для всех национальностей и конфессий великого государства (см. об этом статью Н.Н.Великой в № 45 «Южнороссийского обозрения». – Ростов-на-Дону. 2007, с. 88-101).

Получая обширное кавказоведческое признание, этот дружелюбный, «совместнический» подход к истории народов не требует и не нуждается в односторонне-поверхностном толковании с выпячиванием всех естественных трудностей и противоречий, усугубляющих восприятие сложностей и болезненности актуальной проблематики (ср., например: Трапавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность //Вопросы истории. № 11. – Москва. 2007, с. 155-163). Эта концепция также противостоит идеям и навязываемым постулатам «новой истории Российской империи», воплощающим западно-либеральные взгляды (см., например: Северный Кавказ в составе Российской империи. – Москва. 2007).

Оставляя подробности дальнейшим неизбежным дискуссиям, предлагаем читателям научно-публицистические очерки о конкретных исторических лицах. Они дают пищу для трезвых, миролюбивых оценок и размышлений над судьбой Российского Северного Кавказа, выстраданного и выстроенного многими поколениями наших славных разнонациональных предков.

*В.Б. Виноградов, профессор,
С.Н. Лукаш, доцент.*

*Карина Бараненко,
студентка,
Виталий Виноградов,
профессор*

ПОМОЩЬ ЖДАЛА В ГОРАХ

Смел и самоотвержен был Михаил Ярославич Тверской. В начале XIV века укрепил он свой столенный град, обучил и оснастил крепкую дружину, сумел, где хитростью, где твердостью склонить на свою сторону верхушку Золотой Орды и получить ярлык на великое Владимирское княжение. Но напрасно ждали от него ханы рабской преданности. Независимую политику стал проводить князь Михаил. Бывал он в открытом бою своих соперников, снаряженных с помощью золотоордынцев. Беда, а не вина князя была в том, что не смог он понять роли Москвы в объединении русских земель, а поэтому упорно враждовал с нею. Великий князь сократил ручей дани, бегущий в бездонную прорву Орды, «недостойно» встречал ханских посланцев.

Этим и снискал ненависть хана Узбека, вызвавшего его осенью 1318 года к себе в ставку. Догадывался Михаил, что не на пир приглашает его хан. Знали об этом и близкие опального князя, советовали ему не ехать по ханскому зову, предлагали свои услуги, говорили: «Мы пойдем и примем смерть от злобы татарской за дело Твери». Но угроза большого карательного похода заставила самого князя поспешить в Орду («... когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие невинные души»).

Князь с небольшим числом сопровождающих лиц прибыл в кочевище Узбека, расположившегося у устья Дона. Здесь он был обезоружен и забит в тяжкую деревянную колоду. Двадцать шесть дней «в неизмеримом том терпении» длился его пеший путь за кибитками Орды по Предкавказским степям мимо гор «Черкасских и Ясских», т.е. адыгских и осетинских, по направлению к бассейну Среднего Терека.

Ордынцы и челядь соперника Юрия Даниловича Московского измывались над пленником, и было ясно, что ждет его неминуемая жестокая смерть.

В самом конце трагического пути, на берегах реки Сунжи преданные «отроки» (юные воины охраны) подготовили побег: «Господин, проводники и кони готовы, беги в горы, жизнь сохранишь!». Горы и впрямь были рядом, и в них – неподвластная Орде вольница чечено-ингушских и алано-осетинских племен, храбрые удальцы из среды которых не останавливались ни перед чем, чтобы досадить монголам. Они готовы были принять и защитить от погони страдальца – русского князя.

Но горд он был! И не хотел искать спасения в ночном бегстве. Отрокам ответил: «Если я один спасусь, а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?»

Настал день 22 ноября 1318 года. Столпились вокруг княжьего шатра враги. Ждут сигнала. Как далека истерзанная Русь! Но безмерно близка скорбь её, дело её, которому истово служил Михаил. Пусть же и смерть его послужит святому делу!

И погиб князь, не склонив головы, не запросив пощады. И не успела тряская телега с его телом достичь родных земель, а уже встал он навечно в ряд великомучеников Земли Русской, летописцы внесли описание его жития в свои анналы, а в народе о нём передавались из уст в уста легенды, зовущие к борьбе с властью Золотой Орды, в которой союзниками должны были быть русичи и свободолюбивые кавказские джигиты.

Не случайно на Всесоюзной научной конференции осенью 1979 года, посвященной, в частности, приближающемуся юбилею добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, речь шла и о том, что связи Кавказа и далекой Руси не прерывались и в XIII-XV веках, когда их народы, не сговариваясь еще между собой, вели героическую борьбу против общих поработителей. Русские люди, бежавшие из проклятой золотоордынской неволи, находили пристанище и защиту в кавказских горах и селениях. Район Терека и его притоков стал местом формирования первого постоянного русского населения на Кавказе – гребенских казаков, находивших достаточно дружелюбия у вайнахов, кабардинцев, кумыков и пр. Их ряды постоянно пополнялись за счет тех, кто не желал смириться с нарастающим крепостническим гнётом на Руси.

В ту пору нарабатывался положительный опыт добрососедства и партнерства, закладывались основы последующего единства в просторных границах многонационального Российского государства.

*Виталий Виноградов,
профессор
Светлана Голованова,
профессор*

ВЕСТИ ИЗ XII ВЕКА

Впервые вопрос о династических браках русских князей с аланскими (осетинскими) княжнами и грузинскими царевнами рассмотрел около двухсот лет назад П.Г. Бутков. В дальнейшем, констатируя факты установления род-

ственных связей с ясами (русское название алан), большинство специалистов не придавало должного значения тому, о каких конкретно аланах идет речь: северокавказских, подонских или центральноевропейских. Е.Г. Пчелина справедливо указала на то, что анализ летописных сообщений выявляет в данной связи пеструю картину.

Сын Великого князя Киевского Владимира Мономаха Ярополк, совершив в 1116 г. поход к Дону, «приведе с собою ясы и жену полони ясыню красную вельми»; под 1176-1205 гг. говорится о жене Великого князя Владимира Всеволода III «ясыне Чехине» Марии, дочери князя центральноевропейских алан Сварно (Шварно); сестра ее с 1182 г. была замужем за Мстиславом, сыном Великого князя Киевского Святослава Всеволодовича. И только в одном таком случае нити русско-аланских династических связей, несомненно, ведут на Северный Кавказ. Речь идет о матери сына владимиро-сузdalского князя Андрея Боголюбского Юрия (Георгия), ставшего впоследствии мужем грузинской царицы Тамары.

Ясыня (т.е. аланка), имя второй супруги Андрея Боголюбского, упомянуто в летописях при описании его гибели. Заговор, приведший к его убийству в 1175 г., возглавил Яким Кучкович, брат его первой жены Улиты и казненного им Петра Кучковича - детей боярина, суздальского тысяцкого Степана Кучки, представителя древнего и знатного рода Владимира-Сузdalской Руси. Убийство Андрея совершил его ключник Анбал Ясин при содействии Ясыни. За это преступление по приказу Всеволода III их обоих постигла жестокая кара.

Северокавказское происхождение преступной жены Андрея всегда казалось очевидным. Однако Тверская летопись, сообщая подробности заговора, приводит свидетельство, что Ясыня «бе-бо болгарка родом» и «держала злую мысль» на мужа, т.к. он воевал против поволжских булгар и посыпал «примучить» их своего сына. Сопоставив данные Тверской летописи и иные сообщения о походе Андрея в 1164 г. на Каму, Е.Г. Пчелина посчитала Ясыню булгаркой. Но подобное решение вопроса упускает из виду свидетельство источников, указывающих на бегство Юрия после гибели отца и казни матери «к родственникам матери своей Ясыни на реку Сунджу» (Сунжа – приток Терека), т.е. именно к северокавказским ясам.

В русских летописях время появления на свет Юрия не отмечено. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы божьей матери» (XII в.) упоминается церковь св. Богородицы во Владимире, которая строилась в 1158-1161 гг. и икона которой помогла при родах жене Андрея. Ю.А. Лимонов доказал, что «Сказание о чудесах» имеет в виду именно Юрия. Отметим, что рождение произошло после 1161 г., когда церковь уже функционировала. А под 1174 г.

Лаврентьевская летопись сообщает, что Андрей послал Юрия на новгородский престол, причем о княжиче говорится еще как о ребенке («новгородцы послышались к Андрею-князю, и вда им детя свое Георгия»). Можно предположить, что Юрий родился в 1165 или 1166 году.

Юная жена Андрея Боголюбского хотя и являлась по источникам «болгаркой родом», имела родственников среди северокавказских ясов, у которых ее сын спустя годы нашел убежище и помощь. Мы не располагаем прямыми известиями о контактах между Волжской Булгарией и Северокавказской Аланией. Но получается, что они мели место, если северокавказская аланка стала женой одного из поволжских булгар. Дочь от такого брака как раз и будет считаться «бе-бо болгарка родом». Так можно истолковать судьбу Ясины, волею владимирского князя оказавшейся затем на Руси.

Отметим также повтор в летописях племенного названия в именах Ясины и княжеского ключника Анбала Ясина. Одна из надписей в Алании, на Зеленчукском камне, сохранила живое бытование имени Анбал (товарищ, спутник) в аланской среде Северного Кавказа. Если Анбал попал вместе с бабушкой Юрия в Волжскую Булгарию, то после похода 1164 г., когда владимирский князь привел себе в жены Ясины, Анбал оказался в ближайшем окружении Андрея и стал его ключником. Не зря русские летописи говорят о нем как о любимце князя. Нам трудно судить о конкретных причинах заговора против Андрея, в котором приняли участие близкие люди обеих его жен. Известно лишь, что сын Ясины бежал к «родственникам матери своей на реку Сунджу».

Местом его пристанища могло быть крупное аланского городище Алхан-Кала, которое у чеченцев зовется «Кіуларийн сангарш» (Куларинские рвы) и которое сопоставляется с ранней столицей алан «городом Магасом» (т.е. благочестивым, большим, высоким).

В 1178 г. грузинский царь Георгий III возвел свою дочь Тамару на престол, но до 1184 г. сам ведал делами государства. Только после его смерти она стала управлять страной, и совет «верховников», созданный для избрания ей мужа, перебрав большое число знатных женихов, остановился на кандидатуре бежавшего из Руси Юрия. «Я знаю, - докладывал совету эмир Картлийский Абусалал, - сына русского владетеля Андрея, великого царя, которому подчиняются триста тамошних мест. Означенный принц, осиротевший в юном возрасте и изгнанный его дядей Савалтом (Всеволодом. – Авт.), вынужден был оставить родную страну и убежал в кипчакский город Свиндже». Это означает, что Юрий вступил в брак с Тамарой не ранее 1184 г.

Следовательно, Юрий явился в Грузию уже сложившимся человеком, 20 лет от роду, причем происхождение и богатый опыт скитаний должны были, вероятно, подготовить его к стремлению играть самостоятельную роль, а не быть пешкой в руках грузинской знати, на что та рассчитывала. Во главе грузинских войск он повел успешную борьбу против сельджуков. Но пребывание его в Грузии совпало с острым внутриполитическим кризисом, выступлением крупных феодалов против самодержавной царской власти. Откровенное желание Юрия стать подлинным правителем и обострившиеся разногласия по вопросам внутренней политики побудили царицу и близкие ей круги добиться высылки его в Константинополь.

Широко известно пребывание в 1187 г. Георгия (Юрия) Боголюбского «в Черкессии». Подняв восстание, он получил поддержку на Кубани от «князей и военачальников ряда местных племен». Аланы среди них не упоминаются. Однако Вахушти Багратиони сохранил сведения, что в числе участников этих событий были и «находившиеся в Картли кипчаки-овсы». Поддержав «Георгия Русского», они «также собрались напасть на царские войска, но узнав о поражении, нанесенном сторонникам Юрия, не только воздержались от этого, но и попросили участия в походе против восставших, Тамара дала на это согласие». Последний раз имя Юрия упомянуто в источниках под 1191 годом.

Приглашение в Грузию именно его не было случайным выбором. Учитывалось не только знатное происхождение, но и то, что он правил в Новгороде, где власть князя традиционно была ограничена и подчинена вечу. Противником сильной царской власти был на руку и тот факт, что княжича изгнали из владений отца. Это создавало уверенность, что Юрий не получит поддержки ни со стороны Руси, ни из Алании, ибо ее восточная часть, включая город Магас, потеряла былое значение, перестав играть роль общеполитического центра. Последний переместился на запад, в равнины Северной Осетии (Декяков – Верхний Джулат) и верховья Кубани (Архыз).

Расчет придворной верхушки оправдался не полностью. Юрий сумел временно сплотить вокруг себя часть алан. И когда стало ясно, что надежды на его покладистость беспочвенны, правящие круги Грузии постарались использовать, уже в своих интересах, потенциал основной части Алании. По их предложению Тамара вступила в брак с царевичем Давидом Сосланом, представителем осетинской ветви грузинского рода Багратиони.

Так русско-кавказские связи понемногу втягивали в себя русичей, знакомили их с далеким южным краем и его этнически пёстрым населением. И это были лишь первые шаги начавшегося сближения.

*Серажедин Умаров,
кандидат исторических наук
Валерий Литвиненко,
журналист*

ВЫБОР НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Северный Кавказ... Сколько раз его горы и стремнины, тучные долины и реки были свидетелями опустошительных войн, сколько раз устремлялись сюда орды алчных завоевателей. Не счёсть владык Востока, Азии, пытавшихся утвердить здесь свою власть, пополнять свои армии за счет юношей храбрых народов, населяющих край, невольничьи рынки искусствами ремесленниками. Трудно было выстоять, не раствориться в массе завоевателей, сохранить свой язык, не попасть в рабскую зависимость без помощи сильного и верного союзника. На кого опереться в этой неравной борьбе? Самые дальновидные северокавказские владетели считали: союза нужно искать с северным соседом, с Россией. И в этом их поддерживал народ. Да-вайте вспомним наши историко-героические песни. Воспет ли в них, или хотя бы упомянут деятель, придерживающийся турецко-крымской или шахо-иранской ориентации? Нет. Не нашлось таким места. Но сложил народ и пронес через века песни о Шихе Ушаромове – одном из первых, кто решил связать судьбу свою с Россией.

На службу московским государям поступил еще его отец, Ушаром-Мурза Окоцкий. И, умирая, завещал сыну ни при каких обстоятельствах не оставлять службу России. Это было мудрое решение. Угроза турецко-крымской агрессии была чревата опасностью для самого существования народа. Речь шла о жизни и смерти. И, как пишет советский историк Г.А. Гальян: «...уже в тот период не только цари и князья, но и широкие народные массы начинают понимать, что их спасение в дружбе с Россией, с русским народом. В XVII веке начинается процесс превращения идеологии русской ориентации в общенародную идеологию. Да, именно идеологию, так как главным содержанием всей общественной жизни народов края становится проблема не только культурно-экономического развития, но и сохранения физического существования».

Твердость и последовательность первых вайнахских союзников России, таких как Окоцкий мурза Ших, ярко проявились в военно-политических событиях 60-80-х годов XVI века, происходивших на Кавказе. Это и активное

участие в постройке в низовьях Терека и Сунжи первых российских городков-крепостей, и результативная дипломатическая деятельность, направленная на укрепление и расширение рядов кавказских союзников Московского государства, и обеспечение безопасных дорог для регулярных связей с Грузией и т.д.

Чрезвычайно интересным, в то же время и закономерным, является то обстоятельство, что цикл наиболее ярких ранних историко-героических песен чеченцев связан с образом некоего Ших-Мурзы. В отдельных из них с большой долей достоверности передаются некоторые важнейшие моменты реальных исторических событий конца XVI века.

Так, в одной из песен речь идет о том, что во второй половине 80-х годов XVI века феодальную Кабарду раздирали междуусобицы, и контроль над Дарьяльской дорогой на время переходит к чечено-ингушским мурзам во главе с Ших-Мурзой.

В это время случилось так, что послам Московского царя в Кабарде не удалось найти проводника для перехода через горы в Грузию. И тогда старый князь предлагает посланцам Москвы обратиться к Ших-Мурзе, Те соглашаются с этим и едут в Чечню. Ших-Мурза с большим успехом выполняет миссию почетного проводника в Грузию. Эти факты легли в основу или, посвященной Ших-Мурзе, и совпадают со свидетельствами русских архивных документов 1589 года, описывающих путь Московского посольства от низовьев Сунжи до Грузии и обратно. Этому содействовал мурза Ших. Наверняка не просто было ему стойко выдерживать свою ориентацию, но, может быть, именно эта стойкость, постоянство, верность данному слову – качества, ценимые во все времена, – и снискали ему авторитет среди местных владетелей, гребенских казаков, гарнизонов «государевых» городов.

И вот, уже в ответ на очередное послание (челобитную) мурзы Шиха, отправленное в Москву в 1587 году, царь в специальной грамоте писал: «Посланники наши Родион и Петр, приехав к нам, про твою службу именно нам рассказали, что ты нам служил бесхитростно... и нам твоя прямая служба ведома. Держати тебя и твое владение под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим от всяких недругов. И воеводам нашим Астраханским и Терским и о том приказ наш царский крепкой». Вместе с этой грамотой Шиху в 1589 году вручили и почетные дары: «Шуба-бархат с золотом на соболях, кафтан-камчат, шапка черна, панцырь».

Наконец (и тому есть историческое засвидетельствование) официальная делегация вайнахов в Москву была направлена окуцким владетелем Шихом в 1588 году в составе 5 человек. Это было начало... А потом исто-

рия знает и расхождения во взглядах с московским царем, и открытое неповиновение, и снова потепление в отношениях. Главное же – фундамент для сближения – был заложен. И это был необратимый процесс. А потому, как сказал в предисловии к роману «Пламенем испепеленные сердца» Гиби Карбелашвили, «нельзя без глубокого уважения сейчас относиться к тем далеким нашим предкам, которые самоотверженно боролись за сближение Кавказа с Россией. Они терпеливо трудились во имя достижения поставленной цели и, не щадя себя, жертвуя всем, дрались за осуществление этой идеи». Эти слова в равной мере можно отнести и к представителям вайнахов, отдавших свои жизни за сближение нашего края с Россией, за расширение, укрепление рядов стойких союзников Российского многонационального государства.

Не случайно, именно художественному осмыслению жизненной судьбы Шиха Окоцкого посвящена недавняя драматическая поэма видного чеченского поэта Шайхи Арсанукаева «Выбор судьбы». Она еще раз показывает, что при оценке Шиха Ушаромова как политического деятеля Чечено-Ингушетии второй половины XVI века прежде всего в заслугу ему нужно ставить то, что при деятельном его участии был сделан выбор: с кем идти дальше. И уже все последующие годы развития русско-вайнахских связей окончились (потомки соратников Шиха Окоцкого) крепили единство с Россией, составив при этом значительную часть населения Терского городка, а затем Кизляра.

Путь, избранный Шихом и его вайнахскими единомышленниками, оказался правильным, так как указывал на единственный верный ориентир перспективного поступательного исторического развития народов нашего края.

Наша сегодняшняя действительность – яркое подтверждение тому, что в выборе своем вайнахский народ и его предводители не ошиблись.

*Тамара Магомадова,
кандидат исторических наук,
Валерий Литвиненко,
журналист*

«РОССИИ СЛУЖИТЬ ХОЧУ...»

Дарьяльское ущелье... Громадье гор, теряющихся вершинами в облаках, неудержимо буйный Терек, извечно несущий свои воды к седому Каспию. И дорога...

Кто первый ее проложил? Вездесущие ли купцы, которые не считались ни с какими препятствиями, чтобы провести свои караваны? А может быть еще «стымы» воинов неизвестных нам народов рвались через горы к цветущим долинам Грузии, к теплому морю. Вряд ли в XVI веке люди задавались этим вопросом. Дорога была, и все...

Мала «землица» Ларс мурзы Салтана. Но лежала она на пути через Дарьльское ущелье. Вот и искали его дружбы и расположения посольства владельцы торговых караванов, простые путники. В дороге ведь всякое случается...

А еще установить союзные отношения или подчинить себе местных владетельных князей стремились Иран, Турция, Крымское ханство. В их планах это был важный стратегический аспект для реализации захватнических устремлений. Не менее заинтересована была в доброжелательности кабардинских, вайнахских, грузинских владетелей, контролировавших дорогу, и Россия. Тем более, что многие из них готовы искать покровительства у московских государей. «Калканцами» (галгай) – так русские называли ту группу вайнахов, представителем которой был мурза Салтан Ларсинский, политический единомышленник Шиха Окоцкого. Это он обратился к московским послам с просьбой о том, что «хочет государю ж служить по свою смерть, как государю нашему служит брат мой Ших–Мурза Окоцкий». Наверняка не просто оп пришел к этому решению. А решив, оставался верным своему слову до конца.

Немалым нужно было обладать мужеством, чтобы совершать в то время посольства в иные страны, да еще в суровых горных условиях. Грозное имя далекого московского царя не всегда было гарантом безопасности. Но верные союзническому долгу вайнахские и другие вожаки обеспечивали безопасность посольств и были проводниками. Владелец Ларса рассказывал послам С. Звенигородскому и Т. Антонову, следовавшим в составе второго посольства: «...и я государю служил, посланников его Родиона да Петра чрез свою землю провожал, и дорогу им куда лучше идти указывал, и людей своих до Грузинских земель провожать их посыпал, а которые были у государевых посланников люди и лошади больны – и тех людей и лошадей Родион и Петр оставили, в Грузию идучи, у меня, и я тех людей и лошадей у себя кормил и лечил и с Родионом и Петром отпустил здоровых». Об этой «службе» Салтана послы обещали известить в Москве царя. Но второе посольство не привезло Салтану официальной бумаги – грамоты.

Желание Салтана – быть под покровительством России имело серьезные основания. В этот период у России не было стремления к завоеванию зе-

мель на Кавказе. Первостепенное значение при оформлении договора о подданстве придавалось военной взаимопомощи. Своих подданных Россия защищала от «недругов» с помощью ратной силы Терского городка. Приверженным к России владельцам полагалось еще годовое жалование, а их основная обязанность заключалась в «службе», под которой подразумевалась помощь для «государева дела», участие в обеспечении безопасности московских посольств. Немаловажное значение в принятии твердого решения принести присягу верности России для мурзы Салтана сыграли претензии некоторых кабардинских князей на господствующее положение а Дарьяльском ущелье.

В 1589 году для московских послов вновь был открыт путь через ущелье, Салтан ведет с ними официальные переговоры, в которых подчеркивает свою готовность принести «шерть» – присягу на верность московскому государству. В подтверждение искренности своего заявления Салтан готов отправить в «заклад» в Терский городок своего брата или сына и служить Москве так же верно, как Ших Окоцкий и последовательная часть кабардинских князей. Салтан Ларсинский настоятельно просит послов: «...мою службу государю своему известите, чтоб государь пожаловал, велел мне дать свою государеву жалованную грамоту, по чему мне быть в его государева жалованье, ка-кову грамоту послал государь к брату моему Ших–Мурзе Окоцкому».

Предвидя долгое ожидание необходимого документа, владелец Ларса просит у послов временную «от себя грамоту», чтоб ему «в государево жалованье надежну быти и иных бы кабаков (селений) князи меня не обидели». Настойчивость Салтана была понятна. Агенты Ирана, Турции, Крыма не дремали. Посулами, золотом, лестью, умелой игрой на самолюбии и разжиганием межнациональной вражды они стремились упрочить свое влияние на местных владетелей, не допустить установления протектората России.

Московские послы незамедлительно выдали владельцу Ларса временную шертовальную грамоту, а по прибытии в Москву обещали доложить о верной службе Салтана московскому царю. Временная грамота, выданная послами Салтан-Мурзе, была довольно подробной и содержала в себе взаимовыгодные для обеих сторон условия. Она гласила: «А ты, Салтан-Мурза, со своего братею и с детьми, и с племянниками, и со всем своим родом, и со всею землею был под государя нашего царского величества рукою в его царском жаловании и ему царскому величеству служил и государя нашего с терскими воеводами и с Александром царем Иверским (грузинским) и с черкасскими князи и мурзы, которые государю служат, и на всех государевых недругов и на непослушников стоял заодин, на них сам ходил и людей своих

посыпал и государевых послов и посланников и гонцов и всяких государевых людей через свою землю ко государеву Терскому городу и из Терского города до Грузинские земли провожал и хитрости некоторые над государевыми людьми не учинил. А на которого недруга будет тебе надобность в государевых людях – и ты б приезжал в государев в Терский город ко государевым воеводам, и государевы воеводы учнут тебе на твоих недругов рать давати с вогненным боем». Этот документ со всей ясностью свидетельствует, что Россия взяла на себя твердые обязательства оказывать военную помощь Салтану Ларсинскому всеми имеющимися на Северном Кавказе воинскими силами, в том числе с применением редкого в ту пору огнестрельного оружия.

Московские послы ушли по опасной горной дороге в Грузию. Оттуда они послали гонца в Терский городок, чтобы воеводы прислали провожатых к селению Ларс. Но ответа не дождались. Двинувшись в обратную дорогу через Дарьядское ущелье, московское посольство столкнулось с непредвиденным – произошла стычка с «калканцами». В скучных источниках, которые повествуют об этих событиях, отсутствует имя мурзы Салтана. Но что стало причиной столкновения? Может быть, Салтан решил нарушить свои обязательства, или все это произошло без его ведома? Трудно что-либо утверждать окончательно, но анализ политической обстановки того времени позволяет выдвигнуть вполне логичную версию: Салтан Ларсинский стал жертвой сил, которым было не по нутру стремление ингушского владетеля установить добрососедские, взаимовыгодные отношения с Российским государством. Иран и Турция никак не могли смириться с желанием грузинских царей с помощью России обрести свободу и независимость, а потому пытались воздвигнуть на землях вайнахских, кабардинских князей непреодолимый бастион для московских посольств, нарушить дипломатические связи. И вот уже «иных кабаков князи» расправляются за пророссийскую ориентацию с Шихом Окоцким. Вполне возможно, что такая же участь постигла и его единомышленника мурзу Салтана Ларинского.

После смерти Салтана, вплоть до начала XVII века, путь по Дарьядлу стал одним из опаснейших для русских послов, следовавших в Грузию и обратно. Несмотря на небольшую протяженность времени деятельности Салтана на ниве становления русско-вайнахских отношений, ни в коей мере нельзя умалять ее значение для исторических судеб чеченцев и ингушей. Как и Ших Окоцкий, владелец Ларинский был одним из первых политических вайнахских деятелей, заложивших начало процесса добровольного вхождения чеченцев и ингушей, а также и некоторых соседних народов в состав Российского государства. Но еще должно было пройти около двух столетий (до кон-

ца XVIII в.), чтобы необходимость русско-вайнахского государственного единства стала несомненной для основной массы чеченцев и ингушей.

*Виталий Виноградов,
профессор,
Зарема Кипкеева,
доктор исторических наук*

АРТУТАЙ – ДРУГ МОСКВЫ

XVII век – особый в русско-северокавказских связях. Это столетие ознаменовало для Российского государства вступление в «новое время» своей истории. Оно наполнило богатым и разнообразным смыслом взаимоотношения между русскими и многоглеменным населением не только тяготевших к равнинам кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков – давних уже к тому времени партнеров России, но и малоизвестных прежде горских племен балкарцев, карачаевцев, осетин, живших глубоко в ущельях.

Вот лишь один пример.

Самое раннее упоминание в русских документах «места Балкары» зависимого от кабардинских князей, встречается в связи с поисками в 1628-1629 годах серебряной руды. Известие о крупном месторождении привёз тогда в Москву кабардинец Каншов-мурза, действовавший по поручению Пшемаха Камбулатовича Черкасского. Были предприняты энергичные разведки, в результате которых выяснилось, что «та руда серебряная» добывается местными жителями между реками Череком и Хазнидоном, то есть в пограничье Балкарии, Осетии и Кабарды. Среди других сведений сообщалось, что земля эта «принадлежит балкарским владельцам Апшите и Абдаулу» и что они находятся в теснейших связях с теми кабардинцами, которые «послушны государю нашему», то есть дружественны России.

Спустя время, в 1651 году русские послы в грузинское Имеретинское царство, проходя в этих местах вступили в тесный контакт с «балкарским владельцем (мурзой) Абдабуловым Артутаем», очевидно сыном вышеупомянутого Абдулы.

Тесный партнер Имеретии он вместе с сыновьями и иной родней принял самое активное участие в успешном обеспечении нелегких задач московских посольских эскортов, о чем обстоятельно и «доносилось» в столицу.

А весной 1658 года через Империю в Москву выехал кахетинский царь Теймураз – верный союзник России перед лицом турецких и персидских

угроз и опасностей. В «Балкарской щели» (ущелье) к царскому картежу присоединился и «таубий» (горский князь) Артутай Айдабулов.

Долгой и нелегкой была дорога в Москву. Много нового и поразительного повидал Артутай, много новых знакомств завел. Он, в частности, прибыл к заветной цели вместе с группой тушин (горцы Восточной Грузии) и несколькими «шибутянами» - посланцами чеченцев Аргунского ущелья.

Погожим июнем приехали кавказцы в Кремль. Безотлагательно принял их царь Алексей Михайлович. В числе других кавказцев балкарец был одарён «согласно чести» «сорока соболями стоимостью 40 рублей» (сумма очень большая по тем временам). Другие подробности неизвестны. Но Артутай пробыл в Москве около года – вполне достаточный срок, чтобы оценить ранее невиданный огромный город, понять протяженность и мощь дружественной державы, вплотную приобщиться в языку, высокой и самобытной её культуре. И конечно же таубий и его балкарское сопровождение много рассказывали о собственной родине, которой отныне суждено было стать политическим союзником России.

Осенью 1659 г. таубий со свитой возвратился в родные горы. Это совпало с временем ослабления контактов России с горцами Центрального Кавказа. Отсюда вытекает отсутствие в письменных источниках имени Артувая Айдабурова. Но хорошо известно, что и в последней трети XVII века грузинским царям и князьям русской ориентации, спасавшимся от кровавых расправ турецких и персидских интервентов, не раз приходилось скрываться в Балкарии и Дигории. Отсюда они проезжали через Кабарду и Терский город, затем – в Астрахань и далее, вплоть до Москвы. Этим же путем возвращались они восвояси. Совершенно ясно, что без содействия балкарцев всё это обойтись не могло. Прочной оказалась клятва верности, принесённая Артуаем и его спутниками в Грановитой Палате Кремля.

И хотя окончательное и полное вхождение Балкарии в состав России завершилось в конце XVIII – первой трети XIX века, основы этого процесса закладывались именно Артуаем. И в этом его непреходящая заслуга перед потомками и хранителями русско-кавказского единства.

Современный исследователь Е.Г. Муратова подчёркивает, что взаимодействие российской власти и этнического социума балкарцев... обеспечило совместимость данного локального сообщества с российской государственностью, а в дальнейшем позволило сформулировать идеологему «добровольного вхождения в состав России».

*Виталий Виноградов,
профессор*

ДОРОГА К МОСКВЕ

Шибутами называли древних обитателей Аргунского ущелья. Об этом поведали нам российские документы XVI–XVIII веков. Как и то, что возникло это название по старинному звучанию наименования Шатоевской котловины – «Шубут». Через эти земли шла одна из наезженных дорог, связывавших равнинно-горную Чечню с Грузией. Проходила она мимо хорошо укрепленных башенных аулов, каждый из которых имел имя, запечатлевшееся в веках. Шибуты сыграли заметную роль в многовековой истории русско-чеченско-ингушских взаимоотношений.

В русских письменных источниках XVII столетия не раз упоминаются некие «Дикеева деревня» и «Дикеев сын Алхан». Названия эти связаны с окрестностью реки Чанты–Аргун в его среднем течении.

История «Дикеевой деревни», то есть селения, получившего имя от первопоселенца Дики, началась не ранее 1618 года, в связи с последствиями похода на «шибутские селения» аварского хана. Его поддержали кабардинские князья и российские власти Терского города, что стоял тогда в районе современного Кизляра.

Сам поход, скорее всего, преследовал цели разделения зон влияния иноземных феодалов в горной зоне Чечено-Ингушетии. В этой обстановке и предполагается отселение зажиточного общинника по имени Дики из «Баранцева селения» (Большие Варанды), традиционно платившего небольшой «ясак» (дань) дагестанским феодалам. Видимо, Дики тяготился таким положением дел, искал применения своим энергией и силе. А горские адаты (традиционные законы и правила поведения) налагали довольно скромный «штраф» в пользу сельского общества («семь коров в виде выкупа») даже на того, кто «удалился от них без общего на то согласия».

«Дикеева деревня», основанная решительным и предприимчивым шибутским выходцем, сопоставляется со старинным селением Дики-Юрт, находившимся в нескольких километрах от Больших Варандов к северу, близ выхода из Черных гор на плоскость.

До конца 20-х годов XVII века в числе «шибутских людей», тревоживших нападениями казачьи городки в районе нижнего течения Сунжи, упоминаются «Арасланко да Декидко, с ними человек с 30». Они захватывали скот, людей, другую добычу. Второе из имен ясно связано с чеченским именем

«Дики» («Дика» — хороший), что позволяет считать их носителей одним лицом.

«Шалости» и «дурования» части верхушечной прослойки шибутов (так назывались ее действия в документах воевод Терского города) продолжались недолго. Российские власти, вновь объединив силы с кабардинскими и кумыкскими князьями, выступили в поход и «потеснили непослушников». После итога «Дикеева деревня», оказавшись в орбите влияния одного из верных России кабардинских князей (Аслахана Татарханова), стала укреплять свои отношения с русской администрацией на Тереке. К тому времени Дики, надо полагать, скончался, так как на сцену местной истории уверенно вышел «Дикеев сын Алхан», наследовавший фамильные права в Дики-Юрте и всем «Шибутском джамаате» (обществе).

Уже в 1642 году он стал влиятельной фигурой не только в границах Аргунского ущелья, но и в русско-грузинских взаимоотношениях. Источники отметили его поездки в «Грузинскую землю», откуда он дважды привез «от грузинского царя лист, написанный грузинским письмом». Притом оказалось, что «послал тот лист с ним грузинский царь и велел отвезти его в Терский город».

Активное участие принял Алхан в событиях 1647 года, когда несколько «шибутских начальных людей» (то есть вожаков тайпов и сельских общин) от селений Ваанды, Тумсой, Ващиндорой, Оши и других принесли присягу о вступлении в русское подданство.

Но ярче всего его роль проявилась в 1657-1658 годах, когда Алхан возглавил делегацию посланцев от группы аргунских селений в далекую и манящую Москву, не раз уже до того посещавшуюся вайнахами, начиная еще со времен Шиха Окоцкого. В числе четырех «шибутских начальных людей», отправившихся в столицу Руси вместе с грузинским царем Таймуразом, тушинскими старшинами, кабардинскими и балкарскими князьями, были вожаки селений Ваанды, Чанты, Тумсой. «Дикеев сын Алхан» — бесспорный лидер чеченской депутации: его положение было приравнено в Кремле к некоторым иноплеменным феодальным лидерам (балкарскому «таубию» Артуаю и главным тушинским старшинам). Поэтому он был и одарен вдвое больше, чем его спутники-земляки. Все это дает право считать Алхана не просто предводителем конкретного села, а всего «Шибутского джаамата», выдвинувшимся в силу зажиточности, фамильной влиятельности, личных качеств.

В Кремле шибутские посланцы присягнули в подданстве России, причем сделали это в одной из христианских «соборных церквей» (Успенском соборе). Тушины подтвердили, что в «шибутской земле вера с ними одна —

христианская», и только «иные—де шибуты живут по-басурмански» (т.е. мусульмане). И русские люди, побывавшие в тех местах, отметили, что большинство шибутов «едят свинину», воспринимая этот факт как знак исповедания христианства.

Интересно, что в чеченском песенном героическом эпосе сохранились, как кажется, воспоминания об этих событиях в жизни вайнахов Аргунского ущелья. Так, в «Илии о князе Кахарме Кабардинском» повествуется о том, что некий Астемир из Шатоя, выполняя просьбу кабардинского друга, побывал в Москве, куда отвез некий секретный документ («таптири»), привезенный из Грузии. Он был почетно принят в Кремле и щедро одарен царем за ценные сведения, доставленные с Кавказа, за личную храбрость и верность.

Известная по слухам и рассказам, исходившим от счастливцев, побывавших там, таинственная Москва и ее люди, представлялись горным чеченцам очень похожими на них самих, и столица Руси осознавалась как большое поселение с простыми патриархальными нравами. Отсюда и рождались соответствующие сюжеты:

Вот, проскакав по дороге наметом,
Въехал он в город Москву, наконец,
И, приближаясь к дворцовым воротам,
Стражникам крикнул чеченский гонец:
— Царь—де московский пусть выйдет к нему.
Строго сказал ему старший по страже:
— Сам ты по делу зайди своему.
Крики услышал правитель столицы,
И, говорят, Астемир из Шатоя,
Близко увидев воочью царя,
Так обратился к нему, говоря:
— Знак ты мне выдай, что я в твои руки
Отдал таптиры из Белкузур—города!
Слову чеченского всадника гордого
Царь удивился, а сам говорит:
— Спешься, чеченский хороший джигит.
Я ни от горца и ни от солдата
Раньше не слышал столь радостной вести,
Будешь ты нами одарен богато,
Встречен старшинами нашими с честью...

Общая канва фольклорного произведения заметно перекликается с содержанием документальных источников середины XVII века, связанных с деятельностью исторических личностей «Шибутского джамаата».

Это был уже не первый, но далеко и не последний визит вайнахских посланцев в Москву – столицу России. Но каждый из таковых становился событием огромного общественно-культурного звучания. Впечатления, почерпнутые в этих долгих поездках, становились жадно улавливаемыми и широко разносимыми «хабарами» (вестями). Они открывали горцам иной мир, дорогу к познанию нового, разрывали путы традиционной замкнутости и изоляции, узости мировосприятия. А все вместе это служило неуклонному росту российской ориентации в кавказских горах, что и определило постепенную активизацию процесса добровольного тяготения вайнахских обществ и тайпов в состав единого Российского государства.

*Башир Хашегульгов,
аспирант,
Валерий Литвиненко,
журналист*

«ОТ КИШТИНСКОГО НАРОДА ПОСЛАН Я...»

Нейтральная земля... Таковой считалась большая часть территории вайнахов. Но что может быть тревожнее вооруженного нейтралитета? Просто к середине XVIII века Россия еще не имела в своем распоряжении достаточно свободных сил, чтобы основательно здесь закрепиться и гарантировать местным народам надежную защиту от вторжения иноземцев. В то же время владельцы Турции, Ирана спали и видели, как прибрать к рукам эти благодатные земли, закабалить пароды. Снаряжали раз за разом истребительные экспедиции крымские ханы. Не менее острая борьба шла и на фронте тайной дипломатии. Иранский шах Надир не жалел золота и обещаний, чтобы подкупить чеченское мусульманское духовенство. Щедрыми подачками своим сторонникам Турция в 50–х годах спровоцировала ожесточенные схватки в Кабарде. В самом центре этого вулкана политических страстей (в который уже раз) оказались вайнахи. А дело еще усугублялось разбойничьей политикой кабардинских и кумыкских феодалов на равнинных землях.

Система притеснения горцев-общинников дополнялась постоянными грабительскими набегами равнинных владельцев на горские аулы. Кабардинские и кумыкские феодалы эффективно использовали метод «разделяй и вла-

ствуй», провоцируя межэтнические конфликты, натравливая один народ на другой. В документе, датированном 1743 годом, дается описание того, как кабардинские феодалы совершили набеги на горские селения. «...Большой Кабарды владельцам случанца над ближними им народы чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от 50 до 200 человек, и наперед, тайным образом осмотря, захватят тесные проходы, и для охранения тех проходов оставляют несколько человек кабардинцев с ружьем пеших, и таким образом учиня поиски возвращаются с добычею...»

И снова перед вайнахами и их руководителями со всей остротой вставал вопрос: либо покориться владельцам мусульманского мира, либо с помощью сильного союзника бороться за свое национальное достоинство, свою независимость. К этому времени все более пополнялись ряды политических деятелей, ратовавших за пророссийскую ориентацию, сознававших, что только такое единение на добровольных началах создаст перспективы развития для чеченцев и ингушей. Одним из последовательных сторонников союза с Россией был ингушский старшина Авраам Пахомиев.

Первое упоминание о нем относится к 1759 году. Но есть все основания полагать, что начало его политической деятельности на ниве русско-ингушских отношений относится к 1756 году. К этому времени на Северном Кавказе уже более 10 лет действовала Осетинская духовная комиссия, созданная российским правительством для христианизации осетин и ингушей. Но миссионерская работа была лишь одной явной стороной деятельности этой организации. Другая же сторона заключалась в приведении горцев под покровительство Российской империи.

В донесении архимандрита Арсения, руководителя Осетинской духовной комиссии, говорится, что 15 июня 1756 года около 800 ингушей, собравшихся для отпора готовящемуся набегу кабардинцев, приветствовали в своем лагере иеромонаха Григория, который «...советовал быть им под покровом всемилостивейшей нашей государыни...» Несколько позже прибывшая к руководителю Осетинской духовной комиссии архимандриту Арсению делегация ингушей в составе 60 человек объявила о своем желании креститься «...и под покровительством всемилостивейшей нашей государыни быть верным и указам ея императорского величества послушны и в том учинили присягу...» В августе 1756 года Арсений уже сам отправился в Ингушетию, где он крестил горцев, и так описывал их настроения: «И просят они у священников и диаконов, чтоб обряд церковной как надлежит у них усилить и проповедь распространить и в какой милости осетинцы и под покровом всемилостивейшей нашей государыни обретаютца и свободно приезжают в Кизляр, — в та-

кой же милости и под покровительством их, киштцов (ингушей) иметь и свободно ж в Кизляр им ездить дозволить».

Конечно, нельзя видеть за этими настойчивыми просьбами какую-то особую притягательную силу христианства для горцев. Дело в том, что политика наибольшего благоприятствования Россией в первую очередь распространялась на ту часть горцев, которые прошли через обряд крещения. Вожди вайнахов это прекрасно понимали. А потому, когда о 1757 году был принят указ, по которому предписывалось: «...содержать, как и осетинцов велено, под протекциею ея императорского величества», Авраам Пахомиев пишет «... и по той надежде после того из нашего народа несколько сот душ окрестилось». Ясно указывая на то, что главная причина активного принятия ингушами христианства заключалась в желании присоединиться к России.

И вот уже источники сообщают об участии отрядов ингушей вместе с русскими войсками в боевых действиях на Северном Кавказе в 1758 году. Участником этих событий был и Авраам Пахомиев – к тому времени признанный народом и владельцами лидер. Надо ли говорить, что сторонникам ориентации на Россию приходилось в трудных условиях противостоять своим политическим противникам. Жизнь была постоянно наполнена заботами и опасностями, противостоять которым в одиночку было немыслимо. Снова вынужден обратиться за помощью Авраам к кизлярскому коменданту: «И после того, как в народе нашем киштинском стал грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы (здесь имеются в виду феодальные владельцы) возымели на нас ненависть и злобу и стали нам злодействовать, чинить нам разные обиды, смертоубийство... и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорского величества быть желаем...»

В 1759 году Авраам Пахомиев в сопровождении архимандрита Пахомия отправляется в Кизляр со специальной миссией. О ее характере говорит донесение архимандрита Пахомия: «Сего ноября 16 числа поехал я из Осетии в Кизляр с некоторыми духовными персонами и новокрещенным киштинским старшиною Авраамом и родным его, Авраамом, племянником Мирзою, которые от киштинского народа отправлены были... для общекиштинского народного дела с представлением».

Скупые строки донесения характеризуют Авраама Пахомиева как полномочного представителя ингушского народа. Вблизи Татартупа кабардинские феодалы совершили нападение на представителей Осетинской духовной комиссии, сам Авраам Пахомиев и его племянник были пленены. Цель ковар-

ного нападения была ясна – лишить ингушей политического лидера, во многом способствовавшего пророссийской ориентации своих соплеменников.

Российское правительство, не имея возможности наказать кабардинских феодалов, тем не менее добилось освобождения пленников. И вот, в марте 1760 года Авраам Пахомиев наконец оказался в Кизляре, там под его диктовку и пишется письмо кизлярскому коменданту генерал-майору Ивану Львовичу Фрауендорфу. Начинается оно символическими словами: «Сего году марта 1 числа от киштнинского народа послан я к вашему превосходительству для общей народной нашей нужды». Строки этого письма полны искренности и боли за судьбу своего народа. В нем нет пышных фраз о приверженности ингушей христианству, которыми грешили в своих донесениях архимандриты Арсений и Пахомий, но зато говорится о главном, о народной нужде, о необходимости мира и прекращении произвола кабардинских феодалов.

Пройдет десять лет, прежде чем Ингушетия в 1770 году окончательно войдет в состав России. В документах этого периода имя Авраама Пахомиева не сохранилось. Вероятно, его уже не было в живых. Можно только предполагать, как завершилась жизнь ингушского старшины, избравшегося полномочным посланником своего народа. Он мог умереть в преклонных годах, но мог пасть от руки враждебных феодалов, как и его знаменитые предшественники мурзы Ших Окоцкий и Салтан Ларсинский. Но и те скучные сведения, которые сегодня известны нам о жизни Авраама Пахомиева, позволяют с полной уверенностью считать его одним из крупных политических деятелей, способствовавших добровольному вхождению народов Чечено-Ингушетии в состав Российского государства.

*Виталий Виноградов,
профессор,
Хамид Мамаев,
кандидат исторических наук*

«ТАМОШНЕГО КРАЮ КОМЕНДАНТ...»

В 1762 и 1770 годах большие группы старшин, действуя от имени «всего народа и общества» карабулаков и ингушей, на массовых сходах подписали документы о вступлении в подданство России. Неуклонно крепла российская ориентация и в основных обществах Чечни. На повестку дня стало долговременное оформление уже традиционно прочных взаимосвязей. И здесь тон задавала многочисленная группа признанных сельских лидеров – старшин (из-

вестных нам по именам), действия которых отвечали надеждам и планам широких народных масс. Вообще к рубежу 70-80-х годов XVIII века уже был накоплен необходимый опыт официального оформления русско-вайнахских отношений.

Человеком, внесшим весомый вклад в скрепление русско-чеченского государственного единства, стал российский офицер («бригадир») и «кавалер» (то есть орденоносец) Алексей Михайлович Куроедов, вступивший в 1779 году в должность кизлярского коменданта, то есть фактического начальника гражданской администрации России на Тереке. Известные нам штрихи политической его деятельности на этом посту рисуют фигуру не простую, идейно ограниченную условиями своей эпохи, но искренне озабоченную поисками верных и надежных путей окончательного урегулирования периодически возникающих трений и проблем в крае.

Новый кизлярский комендант не видел пользы в привычных для кое-кого «репрессалиях» (военных действий по любому поводу). Напротив, он не жалеет усилий для утверждения иных форм обеспечения «здешнему краю спокойствия». По его приказу в чеченские селения неоднократно выезжали «испытанный князь» Черкасский-Бекович (кабардинец на российской службе) и терского войска поручик Чорин – достойные и по возлагаемым на них обязанностям «исправные офицеры». Цель поездок Куроедов определял так: «склонение чеченцев к точному повиновению; примечание обращения среди них и познание мыслей».

Следствием поездок стала энергичная переписка: «А в 1780 году троекратно от старшин присланы в Кизляр были письма о принятии в подданство», в итоге которой «все единодушно просили о принятии народа их обществ в вечное подданство, в чем, торжественно учния присягу, обязались письменно, как им самим, так и их потомкам состоять вечно подданными России...».

В сборнике статей «Вехи единства», изданном Чечено-Ингушским книжным издательством в 1982 году, легко найти подробное описание тех событий 1781 года, которые обоснованию считаются венцом длительного процесса добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Опубликованы в нем и тексты русско-чеченского договора 21 января 1781 года, рапорта в связи с этим договором А.М. Куроедова, фрагменты последовавших далее присяг и «актов» основных обществ Чечни, в которых имению кизлярскому коменданту («начальник крепости Кизляр») сообщалось о твердом согласии чеченцев «быть с верноподданными кумыкским, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества...»

Однако не дремали и силы, враждебные прочному русско-вайнахскому единству. Резко усилили антироссийскую агитацию сultанская Турция и часть местных исламских «авторитетов». Патриархально-феодальная вольница горских обществ (особенно некоторые, их вожаки) трудно мирилась с неизбежными ограничениями действий в рамках единого государственного строя. Традиции подогреваемых социальной верхушкой набегов «удальцов» и конфликтов между казаками и кавказцами, а также и внутри последних, питали ростки неприязни. Подливали масла в огонь и шовинистически мыслящие представители государственной администрации, не способные с истинной прозорливостью оценить обстановку.

Очень непросто было А.М. Куроедову претворять в жизнь свою дальнovidную линию! Вот лишь один пример.

В середине апреля 1781 года он обстоятельно сообщил влиятельнейшему государственному деятелю России Г.А. Потемкину, как высшему своему начальнику о предпринятых мерах но окончательному принятию в подданство чечен-аульцев, аджи-аульцев и чахгеринцев, прося «апробации» (одобрения) их. При этом кизлярский комендант действовал, минуя старшего по чину генерал-майора Ф. Фабрициана, пребывавшего в то время в качестве «начальствующего» над военными силами Моздокской линии. Чем объяснялся этот шаг?

Бюрократическая машина царской России существенно тормозила решение многих остро назревших вопросов, и каждая промежуточная инстанция ставила под угрозу оперативность и основательность действий. А личность генерала Фабрициана предстает, к тому же, со страниц документов в весьма неприглядном виде. Реакционер-служака, убежденный организатор и сторонник репрессий, – он с презрением и открытой враждебностью относился к горцам, не желая вникать в специфику их бытия и общественного строя. Болезненный, желчный, вспыльчивый человек – таков тот, чьим мнением решил пренебречь умный политик Куроедов. Однако полностью игнорировать вышестоящий военно-административный пост он не мог и «задним числом» поставил Фабрициана в известность о своих действиях.

Реакция оказалась грубой, даже озлобленной. В своем «сообщении» от 8 мая 1781 года генерал обрушился на Куроедова за то, что он сознательно «презрил» субординацию («не давши мне знать представили в рассмотрение высшей команды»), грозил жаловаться самому Г.А. Потемкину и просить того «решить поступить с вами по закону». Одновременно он, не стесняясь в выражениях в адрес чеченцев, высказывал свое возмущение по поводу уже заключенного договора и соглашений, настаивая на немедленном пересмотре

таковых. Генерал не мог взять в толк, как можно вести переговоры с «толпою чеченских народов» на равноправных, гуманных условиях, заявляя, что А.М.Куроедов не только-де унизил самого себя, но и «обесчестил» «империю всероссийскую». Тягостное чувство оставляет этот документ.

Но история не всегда слышит даже самые шумные выкрики и злопыхательские голоса. Выпады и амбиции Фабрициана не принесли ему «удовольствия», о котором он мечтал. Иначе и не могло быть: «правительство тогда не разделяло подобных взглядов, будучи заинтересовано в приобретении Кавказа мирным путем. Инициативы по привлечению и закреплению в подданстве горцев всячески поощрялись, как содействующие государственному курсу».

Не бригадир Куроедов, а генерал Фабрициан вскоре был отправлен в отставку под благовидным предлогом его действительного незддоровья. А в Кизляр, к его коменданту все шли я шли прошения и депутатии чеченцев с присягами в «вечном и верном подданстве России».

Действия А.М. Куроедова получили и международную поддержку. Так, в июле 1781 года верный союзник России на Кавказе грузинский царь Ираклий II в письме Ф. Фабрициану сообщал о своей осведомленности, что «чеченцы и ингушевцы» стали подвластны России, а «тамошнего края комендант» пользуется непрекаемым влиянием среди горцев, вступивших в подданство.

И еще один, ранее не отмечавшийся факт.

В самый разгар разнужденных выпадов Фабрициана, когда кое-кому показалось, что Куроедову не устоять, стал добиваться перевода в Кизляр из Астрахани будущий генералиссимус А.В. Суворов. Он до того уже бывал на Северном Кавказе, где резко сталкивался с реакционными и слепо воинственными царскими администраторами, отстаивая перед вышестоящими инстанциями свое (подтвержденное опытом) убеждение, что «благомудрое великолупшие более полезно, чем стремглавый меч».

Все вместе это показывает, что в хорошо продуманных, со спокойным достоинством претворяемых в жизнь замыслах А.М. Куроедова воплотилась воля наиболее дальновидной и перспективно мыслящей России, чьи планы русско-кавказского единства былиозвучны устремлениям наиболее передовых кругов вайнахского общества.

Добровольное вхождение вайнахов в состав России совершилось вопреки всем поискам внешних и внутренних реакционных сил, вопреки противодействию твердолобых деятелей, пытавшихся отрицать закономерности исторического прогресса.

И в этом прогрессивном деле свою немалую роль сыграл «тамошнего краю комендант» А.М. Куроедов, чья жизненная судьба, далеко еще не во всем известна нам, но несомненно достойна глубокого интереса и благодарного внимания.

*Сёрахедин Умаров,
кандидат исторических наук,
Малика Гортикова,
журналистка*

«СЛАВНЫЙ БЕЙБУЛАТ»

Это имя упоминает в своем знаменитом «Путешествии в Арзрум» Александр Сергеевич Пушкин. Поэт пишет о нем, вошедшем в историю русско-вайнахских отношений, очень уважительно. И не удивительно: человек сумел осознать и оценить роль, которую может сыграть Россия в судьбе его народа. Поэтому он был и остается прогрессивным политическим деятелем своего времени.

Так кто же он был – достославный Бейбулат Таймиев, о котором певцы слагали исторические песни, о котором народ и сейчас хранит крепкую память?

...Ранней весной 1828 года в Чечню тайно прибыла группа турецких агентов. От имени султана они уговаривали чеченцев «подняться против русских». Посулам агентов не было предела. Многим влиятельным людям Чечни предлагались богатые дары. По настоятельным просьбам посланников хункар–падишаха (так чеченцы называли султана) в селении Майртуп собралось «народное совещание чеченцев». Однако оно категорически отвергло предложение османских агентов.

Более того, наиболее авторитетный в тот период местный политический деятель Бейбулат Таймиев (в русских источниках его именовали «атаманом Чечни») в связи с этим событием настоял на том, чтобы его во главе сотни наиболее прославленных горских удальцов включили в состав действующей русской армии и направили на фронт начавшейся русско-турецкой войны.

Как же случилось, что тот Бейбулат, который в 1825-1826 годах возглавлял восстание в Чечне против российской военной администрации, в 1828-м влился со своими ближайшими соратниками в состав русской армии и героически сражался в ее рядах против «священного воинства хункяра» в течение всей военной кампании 1828–1829 годов? Чтобы ответить на этот во-

прос, необходимо вспомнить некоторые важные, хотя и противоречивые моменты местной истории конца XVIII – начала XIX века.

В результате добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (1762-1781 гг.) происходило активное освоение вайнахами (больше всего чеченцами) плоскостных, равнинных земель. Это способствовало резкому оживлению хозяйства и торговли, созданию многочисленных крупных аулов, населенных выходцами из разных тайпов, большей частью выселившихся из различных районов горной полосы края. В итоге именно этих событий формировались чеченская и ингушская народности. В политическом и торгово-экономическом плане край энергично врастал вместе со всем Северным Кавказом в структуру Российского государства.

Однако эти прогрессивные явления в данный промежуток времени мало затронули жизнь населения горной зоны Чечни. Более того, жители гор оказались в значительной мере отрезанными от предгорных равнин, служивших ранее местом зимовий для их скота, а ныне густо заселенных жителями плоскости. В силу сложившихся условий резко участились вооруженные набеги за добычей со стороны гор на жителей равнин, нередко достигавшие и русских поселений, а также городов и военных укреплений. Организаторы набегов стали находить поддержку со стороны реакционной части местного мусульманского духовенства, получавшей солидную долю захватываемого в набегах богатства. Царская военная администрация обрушила репрессии по принципу круговой поруки. Главные удары приходились по жителям равнинной Чечни, через земли которых проходили маршруты горских наездников. В результате, густонаселенная и зажиточная плоскостная Чечня оказалась между двух «огней», страдая и от грабительских рейдов своих горных сородичей, и от российских войск, которые преследовали цель жестокими карами вынудить равнинных вайнахов взять на себя падежное обеспечение безопасности на вновь осваиваемых территориях между рекой Терек и Черными (лесистыми) горами.

Однако репрессивные меры царской администрации еще больше усложнили положение. Многие богатые мирные аулы равнинной Чечни в начале 20-х годов XIX века оказались в разряде «немирных» (мятежных) аулов со всеми вытекающими из этого последствиями. Именно в этот период необычайно острые социально-политические условия в плоскостной Чечне и вызвали движение вооруженного протesta, известное как восстание под руководством Бейбулата Таймиева.

Руководство восстания (как и большинство его участников) не подвергало сомнению то, что чеченцы с их территорией неотделимы от России.

Борьба возглавлялась старшинской верхушкой Чечни, пытавшейся оформить и сохранить в своих руках внутреннее самоуправление в крае. Руководитель восставших Бейбулат Таймиев искал приемлемый компромисс в вопросах устройства внутренней жизни Чечни (с этой целью многократно встречался для секретных бесед с генералом А.П. Ермоловым).

И позднее сторонники самоуправления выдвигали различные варианты решения кризисной ситуации. Так, главнейшие старшины равнинной Чечни приезжали к шамхалу Тарковскому (генералу царской службы) с просьбой включить Чечню в состав его владений, чтобы решить обостряющиеся противоречия тем же способом, которым они были решены впрочно подвластном России шамхальстве. В связи с этим шамхал сообщал командующему Кавказской армией И.Ф. Паскевичу следующее: «Спешу сообщить приятное известие: прибыли ко мне в Тарку из Чечни начальники чеченцев числом в 120 человек. Бейбулат, главный их начальник, поручил мне сына своего аманатом, а я поручаю ему взять в Чечню сына моего Шахбаза... Надеюсь, что после сего жители Кавказа будут жить спокойно». Однако это решение шамхала и Бейбулата не было одобрено царской администрацией, усмотревшей в нем покушение на права России как высшего сузерена всех горцев Северного Кавказа.

Не найдя надежных способов претворения в жизнь своих планов, старшины чеченских и плоскостных аулов во главе с Таймиевым постепенно отошли от руководства движением, осознав его бесперспективность. Политическому прозрению Бейбулата способствовали и поездки его в шахский Иран и сultанскую Турцию (1826, 1827 гг.), в ходе которых он окончательно утешал иллюзии относительно поисков решения судьбы своего народа на пути сближения с названными восточными державами. Именно после всех этих событий он и отправился на фронт в составе русской армии, где беззаветно сражался в передовых частях в составе казачьих полков.

В 1829 году война уже заканчивалась в районе Арзума. Прибывший туда А.С. Пушкин застал Бейбулата в штаб-квартире Главнокомандующего русской армией. Встреча великого поэта с Бейбулатом произошла на большом офицерском банкете, данном в честь победоносного завершения войны с Турцией. Об этой встрече в известном очерке «Путешествие в Арзум» Пушкин писал: «Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзум с двумя старшинами... Они обедали у графа Паскевича. Бейбулат – мужчина лет тридцати пяти, малорослый, широкоплечий. Приезд его в Арзум меня обрадовал: он был мне уже порукой в безопасном переезде через горы в Кабарду».

В Чечню Бейбулат вернулся в 1830 году. За время его отсутствия на Северо-Восточном Кавказе, в том числе и в Чечне, распространилось движение

мюридов Гази-Мухаммеда. Таймиев вполне сознательно, открыто отверг политику и идеологию мюридизма. Военный историк того периода писал по этому поводу: «В годы движения имама Кази-муллы мы могли положиться только на аул Бейбулата, который оставался нашим большим приятелем».

Вскоре он был убит самым подлым образом – ночью, из засады. Ясно видна в этом рука фанатично настроенных мюридов – не могли они простить ему тягу к «иноверцам». Но память о нем жива. Таймиев – главный герой чеченских историко-героических, песен «Илли», созданных в XIX веке народными певцами. А вот мюридам и их вождям не нашлось места в народной памяти. Впрочем, остались басни, в которых высмеивается ханжество имамов и шейхов...

Причина гибели Бейбулата становится понятной, если вспомнить гибель первого из представителей Чечни, отдавшего жизнь в борьбе за сближение с Россией. Это Ших-Мурза Ушаромов, в 1596 году тоже убитый из засады сторонниками турецкой ориентации. О нем также рассказывают чеченские историко-героические песни, созданные за период до XIX века.

История подтвердила правоту действий Бейбулата Таймиева. Он мыслил по-настоящему дальновидно.

*Виталии Виноградов,
профессор,
Сераждин Умаров,
кандидат исторических наук*

ГЕРОЙ НАРОДНЫХ СКАЗАНИЙ

В 1958 году известный собиратель чеченского фольклора З.Джамалханов со слов Ш. Муртазаева из селения Надтеречное впервые записал «Илли об Ахмаде Автуринском». С тех пор она не раз издавалась на родном и русском языках, явившись одним из наиболее популярных произведений вайнахского устного народного творчества. Ее широкая и прочная известность питалась прежде всего тем, что героико-эпическая песня не только воссоздавала образ удальца-джигита, служившего как бы эталоном своего времени, но и воспевала его дружбу, куначество с таким же беззаветно храбрым, разумным и верным слову «казаком станичным».

Содержание «илли» общеизвестно, и обычно в ней акцентируется факт установления побратимства Ахмада и казака после краткосрочного недоразумения, едва не приведшего к жаркой схватке. Не менее знаменательно, что,

уже впервые увидев крепко спящего в ущелье казака-странника, Ахмад Автурипский размышлял так:

— Почему лежишь ты
На камнях под вязом?
Разве не имсешь
Кунаков средь горцев?
Разве нет чеченца,
Чтоб тебе был рад он?..

Так удалой наездник выражает идею обычности доброй традиции дружелюбия и куначества между чеченцами и русскими даже в крайне сложных условиях своего времени, когда часть территории нашего края была охвачена вооруженными действиями так называемой «Кавказской войны». И вспышка-конфликт с казаком подается в песне как результат столкновения двух сильных характеров, но отнюдь не как всеобщая драма.

У чеченцев бытовал целый цикл песен и преданий об Ахмаде из селения Автуры и казаке – его друге. Современный исследователь фольклора И.А. Дахкильгов отмечает: «Сам Ахмад Автуринский был исторической личностью и пользовался большим уважением среди чеченцев. Сюжет песен и преданий о нем и гребенском казаке построен на том, что герой находит себе друга в лице простого юноши-казака. Затем герои не раз выручали друг друга в смертельной опасности».

Весь этот цикл не только пока не изучен, но даже в должной мере и не собран, хотя до сего дня старожилы рассказывают о том, как Ахмад вместе с казаком-побратимом добыл себе жену – моздокскую или кизлярскую армянку, как родное село, подстрекаемое ревнителями «мусульманской чистоты», временно отвернулось от него за любовь и брак с «гяуркой» (неверной), как находил он утеху в бесшабашной охоте и лихих удальских делах, как спас Автуры от разгрома и разорения репрессивным царским отрядом, вступив в переговоры с неким дружественным российским офицером, и многое другое.

В этих преданиях отразились реальные черты исторической биографии прославленного чеченского наездника, чье имя и дела были в центре общественного внимания Чечни и ее партнеров близко к середине XIX века.

Сегодня можно предполагать, если не личное знакомство, то хотя бы устную информированность М.Ю. Лермонтова о некоторых подвигах его современника – джигита Ахмада из Автуров (нынешнего Шалинского района). Так, на известной лермонтовской картине маслом («Кавказский вид», 1838 год), созданной в качестве свадебного подарка и преподнесенной Сашеньке Верещагиной через ее мать, угадывается живописное воплощение одного из

эпизодов жизни Ахмада: два всадника (горец и казак?) подстерегают близ лесистых предгорий, у ручья избранницу, одетую на закавказский манер, что очень напоминает фольклорный эпизод с женитьбой Ахмада Автуринского. В дальнейшем могут выявиться и другие многозначительные параллели.

Образ героя чеченских преданий становится много полнее и объективнее при обращении к достоверным историческим штрихам судьбы Ахмада Автуринского.

Неизвестный автор, подписавшийся под статьей в «Кавказском сборнике» (том IX, Тифлис, 1887 год) одной буквой «К», в своей работе «Левый фланг Кавказской линии в 1848 году» сообщает следующее: «В марте 1847 года Шамиль сменил трех своих наибов по непрекращающимся жалобам на их притеснения: на место Бату Шамурзаева был назначен Геха, как звали его у нас – молодой ученый ичкеринец. Лишен был также звания ауховский наиб Гойтемир, преемником которого стал Идрис – кумык из Андреевской деревни (Эндери)... Не был пощажен даже Талгик, один из самых предприимчивых предводителей. Его пост в 1847 году занял Ахмад Автуринский, пользовавшийся уважением всей Большой Чечни... Шамиль старался сближаться с популярными в народе людьми и тем льстил общественным симпатиям. Так, во время пребывания своего в Большой Чечне он всегда останавливался у Ахмада Автуринского и в самом ауле Автуры принимал просителей, выслушивал жалобы, творил суд и расправу».

Во второй половине 40-х годов XIX века восстание, охватившее часть Чечни, шло уже заметно на убыль. Широкие массы чеченцев постепенно отказывались сражаться под знаменами воинственного мюридизма. Имам Шамиль, крепко обеспокоенный этим, искал тогда наиболее эффективные меры для поддержания боевого духа горцев и их сохранения во власти своего имамата. С этой целью, кроме жестоких репрессий, он решил, скрепя сердце, передать командные посты в руководстве чеченскими областями людям, которые пользовались широкой известностью и славой в народе. К таковым принадлежали и Ахмад Автуринский, и Геха, и Идрис.

Однако замена скомпрометировавших себя жестокостью и корыстолюбием наибов популярнейшими в Чечне людьми не усилила тягу горцев к войне, к лозунгам мюридизма. Наоборот, эта замена приблизила конец «газаватской войны». Дело в том, что авторитет Ахмада Автуринского, Гехи и Идриса базировался не на вражде к представителям других (немусульманских) вероисповеданий или народов, не на религиозном фанатизме и замкнутости, а на идее взаимного уважения достойных людей разных национальностей независимо от веры.

Став одним из наибов истерзанной длительными военными действиями Чечни, Ахмад Автуринский не прерывал дружественных связей со своими кунаками в казачьих станицах и кумыкских аулах, противостоявших имамату Шамиля. Больше того, он способствовал оживлению этих жизненно необходимых для чеченцев связей именно в тот период, когда резко возросли торгово-экономические отношения между казачьими поселениями, что глубоко раскрывается разнообразными источниками, проанализированными, например, в трудах недавно ушедшего из жизни профессора Н.П. Гриценко.

В подтверждение тому, что Геха и Идрис были единомышленниками Ахмада Автуринского, можно отметить, что и они являлись народными любимцами, в отличие от близких и верных шамилевских приближенных. Например, «Илли о Гехи» и «Илли о сыне вдовы и Идрисе Мехтиеве» также были популярны в Чечне. О соответствии фольклорного Гехи историческому чеченцу Гехи писал Асланбек Шерипов в своей юношеской статье «О чеченских исторических песнях». Он перевел на русский язык слова, характеризующие героя: «Но бурное, закаленное сердце Гехи жаждало нежных порывов, жаждало дружбы и человеческой ласки».

Эти же идеалы дружбы и мирной жизни были присущи Ахмаду Автуринскому, и тайные замыслы Шамиля не совмешались с ними. Поняв это, имам вскоре принял меры, чтобы исправить свою ошибку: он восстановил преданного «идее газавата» Талгика на прежнем месте наиба. Не удержались в наибстве и друзья Ахмада Автуринского, что отнюдь не умалило их громкой славы в народной памяти.

Сведения о дальнейшей судьбе Ахмада Автуринского противоречивы. По одним, он был выслан царскими властями из Чечни за исполнение вольнолюбивых песен; по другим, исходящим в частности, и от его прямых потомков, был убит из засады во время очередного посещения крепости Грозной кем-то из своих врагов. И то, и другое могло произойти на самом деле: трудное время было тогда в истории нашего края. Но в любом случае, образы реальных лиц, донесенные до нас фольклором и историческими источниками сложной поры первой половины XIX века, волнующи и поучительны. Они (при объективной, разносторонней оценке) позволяют понять положительную (хотя и совсем не простую!) роль их истинных прототипов в трудной ситуации, когда проходили очередное испытание на прочность русско-вайнахские взаимоотношения, складывавшиеся уже в границах единого Российского государства вопреки всем поискам врагов этого прогрессивного исторического единства.

Павел Виноградов,
кандидат медицинских наук,
Руслан Сагаев,
журналист

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО КАВКАЗУ

Северный Кавказ в XIX столетии привлекал немало выдающихся представителей русской интеллигенции. Что влекло их в эти далекие места? На этот вопрос отчасти ответил своей книгой «Отчет о путешествии по Кавказу» гениальный русский хирург Николай Иванович Пирогов, побывавший в наших краях в конце 40-х годов прошлого века. Книга Пирогова принадлежит к числу классических произведений военно-полевой хирургии. В ней даны интересные сведения о жизни и быте горцев, о природе Северного Кавказа. Образно зарисовал он свой путь по Чечено-Ингушетии: «Из Пятигорска по линии (имеется в виду Кавказская укрепленная линия.— Ред.) едешь, то купаясь в ароматической ванне благоухающих трав, то наслаждаясь прохладной тенью диких виноградников, и вот, наконец мириады комаров, высокие камыши и болотистые испарения обозначают приближение к Кизляру».

Передовые взгляды Николая Ивановича Пирогова не могли не сказаться на его отношении к «Кавказской войне». В своем отчете Шамиля он называет «возмутителем», с сожалением пишет о «гибельных следствиях войны» — на развитие хозяйства местных народностей.

К горцам великий хирург относился с уважением, отмечая их стойкость и смелость. Не один раз в полевом лазарете ему приходилось оперировать раненых горцев. Пирогов был изумлен, говоря его словами, твердостью и равнодушием этих людей к телесным страданиям. В своем отчете упоминает он о большой взаимовыручке горцев, особо обращая внимание на традицию, согласно которой большинство трупов «единоверцев» уносилось с поля боя или обменивалось на русских военнопленных. Огромный интерес проявлял Пирогов к изучению лечебной деятельности горских врачей, которых он называет «екимами», от арабского слова «гаким», что означает врач, ученый. Деятельности гакимов посвящена целая глава в «Отчете о путешествии по Кавказу». К сожалению, мы не имеем подробных документальных сведений о пребывании Пирогова на территории нашей республики. Но важное свидетельство о посещении Пироговым крепости Грозной мы находим в давно забытом рассказе кавказского полковника А.П. Кулебякина «Кунаки».

В основе рассказа лежит дружба между майором Гребенского полка Ефимом Фроловым, жителем станицы Червленной, и чеченцем Эрисханом из

затеречного аула Брагуны. Дружба, которую передали им, как священный завет, их отцы. При столкновении казаков с чеченцами был ранен в ногу урядник Влас Фролов, сын майора. Раненого отправили в Грозненский госпиталь, – где в это время работал прикомандированный из Петербурга хирург Пирогов. По истечении нескольких дней Пирогов, видя, что состояние Власа ухудшается, решает ампутировать раненую ногу. Эрисхан, уговорив отца и хирурга, увозит раненого и вылечивает его без операционного вмешательства, при помощи местного лекаря, чеченца Юсуфа.

Немало было гакимов, пользовавшихся любовью не только чеченцев и ингушей, но и русского населения края. В повести Л.Н. Толстого «Казаки» старый казак Ерошка на вопрос Оленина, откуда привезут лекаря для раненого Лукашки, не из Грозной ли, отвечает: «Нет, отец мой, в горах дохтура есть настоящие. Так-то Гирчика, няню моего, в походе ранили в это место, в грудь, так дохтура ваши отказались, а из гор приехал Саид, вылечил... Да кабы ваши лечили, так казаки да чеченцы к вам бы лечиться ездили, а то ваши офицеры да полковники из гор дохтуров выписывают...»

Во всех этих высказываниях была известная доля истины. Горские врачи умело лечили раненых, особенно сильно было развито костоправство. Это и понятно. Образ жизни в горах, постоянные военные столкновения, представления о горце-мужчине как о джигите, воине, готовом в любое время сесть на коня и отразить нападение врага, – все это способствовало тому, что сберегательное лечение достигло у горских лекарей больших высот. Значительные знания были накоплены в горных областях, где население занималось преимущественно животноводством. Жиры, солевые растворы, горные травы и растения – все это применялось для лечения людей.

Русская военная администрация высоко ценила народную медицину горцев. Известно, что некоторые гакимы были приглашены командованием Российской войск в 1835 году в качестве полковых или дивизионных врачей для обслуживания войсковых частей, состоящих преимущественно из кавказцев. Для изучения их опыта к гакимам прикомандировывались русские фельдшеры.

Пирогов использовал знания горцев в лечении ран, а также привлекал гакимов к лечению солдат в военных лазаретах. Как-то по его просьбе дивизионный доктор Земский отправился в горы к одному из местных врачевателей для изучения методов и средств лечения ран. И пришел к выводу, что применяемый горцами способ достаточен для излечения самых жестоких ран и «по малой сложности» может быть принят для лечения раненых во время походов.

Основываясь на своем колоссальном опыте хирурга, наблюдая методы лечения гакимов, великий хирург окончательно отказался от первичных ампутаций, перейдя к сберегательному лечению ран.

Не только в этом существенном вопросе военно-полевой хирургии Пирогову пригодился опыт горских лекарей. Особый интерес для него представляло лечение свежих сложных переломов. Для этого использовалась шкура только что убитого барана, которая накладывалась на конечность, иначе говоря, применялись покой и герметическая повязка. Пирогов внимательно знакомится со способами иммобилизации, практикуемыми гакимами. И вскоре предлагает использовать в военно-полевых условиях свой способ: при сложных переломах конечностей неподвижную крахмальную повязку как в лечебных целях, так и в качестве транспортного средства. Позже он заменит ее гипсовой.

В оценке народной медицины Пирогов указал правильный путь. Нельзя представить медицину гакимов непогрешимой. Безусловно, у нее были свои плюсы, но были и свои минусы. В практике Пирогова встречались пациенты, которые лечились у горских лекарей, но безуспешно. Не принижать, но и не возвеличивать, отбирать ценное и отмечать схоластическое и устаревшее — вот принцип, который дал нам великий ученый и который верен по сей день в изучении народной медицины.

С пребыванием Пирогова в нашем крае связано много добрых дел. Слава о чудо-докторе, как его называли горцы, облетела весь Северный Кавказ. Пирогов произвел здесь множество сложных хирургических операций, передавал свой опыт горским врачам, работавшим у него помощниками. Пирогов никогда не отказывал в медицинской помощи никому из раненых, независимо, к какому военному лагерю принадлежал пострадавший. В условиях военных действий русские врачи оказывали помощь и горцам. Пирогов свидетельствует: «Были примеры, что во время экспедиции неприязненные чеченцы привозили в наш ариергард своих раненых, которым они считали нужным сделать ампутацию: наши врачи делали отнятие, а наши неприятели опять увозили своего раненого назад к себе». Русские (вопреки официальным предписаниям) также зачастую пользовались услугами горских лекарей.

Все это позволяет сделать вывод, что русская передовая медицина в лице Пирогова и других врачей с особым вниманием относилась к горской медицине, учитывая ее практический опыт. В то же время горская медицина признавала и пользовалась достижениями русских врачей, вопреки запретам мусульманских фанатиков Шамиля и реакционных кругов царской администрации.

*Бухади Ахмадов,
учитель-краевед,
Наталья Великая,
профессор*

УЧИТЕЛЬ

Летом 1862 года в крепость Грозную въехал высокий статный мужчина в офицерском мундире лет сорока пяти. Его сопровождали два чеченца. Один был прaporщик горской милиции, в другом угадывался мулла. Через несколько дней в крепости уже знали, что прибывшие взялись за организацию невиданного дела: открытия в Грозной временной школы для обучения чеченцев их родному языку. В крепость из разных аулов были вызваны 25 молодых чеченцев, не умеющих говорить по-русски. Через 6 недель все они научились читать на своем родном языке.

Инициатором создания этой школы был Петр Карлович Услар (1816–1875 гг.). В 1837 году после окончания Главного инженерного училища, а затем Императорской военной академии он начал службу на Кавказе и, прослужив при Генштабе почти 25 лет, был удостоен генеральского чина.

Современники отмечали, что образованность П.К. Услара сочеталась с необычайной душевной простотой. Подчас он отказывал себе в самом необходимом, охотно делился последним с человеком, но делал это без всякой огласки.

За долгий период службы на Кавказе П.К. Услар познакомился с Восточным Закавказьем и практически всеми районами Северного Кавказа. В это время возник его устойчивый интерес к истории и языкам местных народов, к которым он относился с искренним уважением.

В 1858 году по ходатайству Главнокомандующего Кавказской Армией на П.К. Услара было возложено составление истории Кавказа. Это и привело его затем к лингвистическим исследованиям. В одном из своих писем он пишет, что язык и местность – правдивые и неисчерпаемые летописи, из которых можно создать настоящую народную историю.

В 1861 году на собрании Кавказского отдела Русского географического общества П.К. Услар (один из его основателей) высказал предложение о необходимости составления азбук для бесписьменных народов Кавказа, и сам развернул бурную деятельность по его реализации. В том же году Петр Карлович составил аварскую азбуку, начал изучение лакского, даргинского, табасаранского, кабардинского языков. В 1862 году он получил командировку в

крепость Грозную, где начал изучать чеченский язык с помощью муллы Янгублай Хасанова и прапорщика Кеди Досова, составившего потом по совету Петра Карловича первый чеченский букварь.

В дальнейшем за исследование абхазского и чеченского языков Услар был удостоен весьма почетной в то время полной Демидовской премии.

После закрытия временной школы в крепости Грозной он писал о проделанной работе: «Школа существовала около 7 недель: как я полагаю, образцы письма чеченцев свидетельствуют, что они в этом отношении сделали значительные успехи, принимая во внимание, что не далее как в начале июля (1862 г. – Авт.) ни один из них не держал пера в руках; многие, я думаю, никогда не видывали чиненного пера. Распространение грамотности идет весьма быстро и пойдет еще быстрее, когда напечатан будет в Тифлисе чеченский букварь, уже совершенно готовый в рукописи. Дело за чеченским шрифтом, который заказан в Петербурге, но еще не прислан». Из заключительных слов ученого видно, что распространение грамотности среди чеченцев шло и после завершения эксперимента с временной школой. Видимо, просветители занимались со своими учениками на дому. В конце 1862 года в Тифлисе был выпущен чеченский букварь под авторством Кеди Досова.

Напомним, что еще до П. К. Услара, сразу же вслед за завершением процесса добровольного вхождения основного населения нашего края в состав России (в 1781 г.), российскими учеными были сделаны попытки исследовать чеченский и ингушский языки. Например, в своем труде «Путешествие по России и Кавказским горам» (1791 г.) академик И.А.Гюльденштедт зафиксировал около 300 вайнахских слов. Краткое описание чеченского и ингушского языков дал другой известный исследователь – Г.Ю. Клапрот в работе «Кавказские языки» (1812-1819 гг.). Но Петр Карлович Услар был первым из российских ученых досоветского периода, который посвятил местному языку специальную монографию – «Чеченский язык», составил его алфавит. Последний не случайно строился на базе русской графики. По мнению Петра Карловича, «большая часть горских народов... находится в непрерывных сношениях с русскими, живо чувствуют потребность учиться русскому языку и русской грамоте... Обучение родной грамоте на основе русской графики служит наилучшим подготовительным средством изучения грамоты русской». А «русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа...».

В подробной программе, разработанной Усларом, указывались места, где следовало открыть горские школы, сумма затрат на них, составлено даже расписание уроков. По убеждению исследователя, «от нас зависит здесь на

Кавказе показать свету впервые, каких благотворительных результатов можно достичь не только терпимостью всяких национальностей, но даже оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии... Осуществление ее (программы. – Авт.) действительно создаст новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, чего не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги, ни почести».

Работа П.К. Услара в указанном направлении вызывала одобрение и сочувствие у передовой части российской интеллигенции. Вот что, например, писал Льву Николаевичу Толстому в Ясную Поляну Алексеев – командир воинской части, в которой в свое время служил великий писатель: «Полковнику Услару для чеченского языка, не имеющего письменности, придумана азбука, в основе буквы русские, некоторые из них со знаками для выражения чеченских звуков. Не правда ли, что это умно и политично. В Грозном Усларом открыта школа для чеченцев... Спасибо Услару». Эта новость не могла не обрадовать всемирно известного писателя, который еще в 1852 году в станице Старогладовской со слов кунаков Садо Мисербиеva и Балты Исаева впервые буквами русского алфавита записал текст двух песен на чеченском языке.

В то же время, просветительская деятельность Услара и его последователей не встретила поддержки со стороны царского правительства. Столь же отрицательную позицию в этом вопросе занимало и местное духовенство, разжигавшее среди чеченцев и ингушей ненависть ко всему русскому. В те годы в духовных мусульманских школах детей обучали читать по-арабски, при этом ученики даже не понимали смысла прочитанного. Такое образование тормозило развитие культуры народа, достоянием которого оставались лишь религиозные догмы. Вот почему, по убеждению передового российского просветителя, «туземная грамотность должна служить тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изучение русского... Подчиняясь таковым условиям, сделаем, что можно, а сделать можем мы весьма много...».

Будущее показало справедливость выводов и устремлений П.К. Услара, который первым поставил вопрос об обучении горцев на родных языках, об открытии для них школ, об упорном приобщении их к общероссийской культуре. Результатом его педагогической деятельности стали не только статьи «О распространении грамотности между горцами», «Предположение об устройстве горских школ» и др., сыгравшие большую роль в воспитании просветителей из числа горцев, но и открытие временных, а затем и постоянных школ в Дагестане, Кабарде, Чечне. Так, в 1865 году была открыта школа в селении Старый Юрт, в 1867 году – в Ведено, в 1869 году в ауле Большой Че-

чен, в 1870 году – в Брагунах, Новом Юрте, Кень-Юрте, Али-Юрте и других местах. А.И. Бартоломеем был издан новый чеченский букварь.

В этой связи начальник Терской области отмечал, что развившееся в то время стремление горцев к образованию далеко не соответствует предоставленным возможностям, и что население «готово само участвовать в необходимых для того издержках как по возведению помещений, так и по постоянному содержанию школ».

...В наши дни трудно найти среди населения республики человека, не умеющего читать и писать. И это – великое завоевание нашего социалистического общества. Но нельзя забывать, что в недалеком прошлом все было по-другому. И тем сильнее наша благодарность людям, стоявшим у истоков проповеди местных народов. Почетное место среди них по праву принадлежит Петру Карловичу Услару.

*Башир Хашегульгов,
аспирант,
Руслан Сагаев,
журналист*

«ОН ЛЮБИЛ СВОЙ НАРОД...»

Прекрасны по своей архитектуре вайнахские башни. Словно стрелы, взметнулись они в синюю гладь неба, повествуя нам о мастерстве древних зодчих, об обычаях и традициях горцев, о людях, прославивших когда-то этот прекрасный край. Об одном из них этот рассказ.

..У самого входа в Джейрахское ущелье, там где свою равнину Армхи впадает в Тerek, раскинулось ингушское селение Фуртоуг – родина первого ингушского этнографа Чаха Ахриева.

Отсюда в 1857 году семилетним мальчиком был он увезен в крепость Владикавказ. Несладкой была жизнь аманатов (так в то время называли горцев – заложников, которые своим пребыванием среди русских гарантировали верность России со стороны своих обществ, селений или фамилий), но привыкшие к аскетическим условиям жизни они без уныния переносили все трудности. Ведь столько нового и интересного для них было во Владикавказе – прямые улицы и красивые кирпичные дома, разноязычная речь: русская, осетинская, ингушская и кабардинская. А самое главное, добрые, приветливые люди. Так и рос юный Чах, постигая грамоту, быстро овладевая русской речью, языками своих осетинских и кабардинских сверстников. В 1862 году его

дядя – Темурко Ахриев, боевой офицер российской армии, вместе с сыном Саадулой отвез Чаха в губернский город Ставрополь, в гимназию. Шесть лет, проведенных в Ставрополе, наложили неизгладимый отпечаток на жизнь будущего ингушского просветителя. Ведь Ставропольская гимназия была незаурядным учебным заведением в царской России того времени. Здесь Чах Ахриев окунулся не просто в атмосферу подлинной русской культуры, он оказался среди самых передовых людей своего времени. Незадолго до поступления Чаха в Ставропольскую гимназию из нее не по своей воле ушел замечательный педагог Януарий Михайлович Неверов, – прогрессивный и высокообразованный человек, сделавший гимназию передовым учебным заведением, где ученикам позволяли знакомиться и изучать труды лучших русских писателей, не включенных в официальные учебные программы. Позднее жандармы не раз с тревогой отмечали, что в Ставропольской гимназии зреют ростки опасного свободомыслия. Особое внимание Януарий Михайлович уделял обучению горских юношей. Он писал: «Долг наш – с братской любовью принять их в общечеловеческую семью, и эту любовь они способны оценить вполне. Их свежая, девственная и вместе с тем пламенная натура только такою любовью и может быть направлена к добру».

В Ставропольской гимназии Чах Ахриев полюбил прогрессивную русскую литературу. Вместе со своим однокашником – будущим народовольцем М. Фроленко он неустанно читал книги А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова. А в 1868 году, когда в Ставропольской общественной библиотеке в качестве скромного библиотекаря появляется будущий автор перевода «Капитала» Карла Маркса на русский язык – Герман Лопатин, ингушский юноша получает возможность ознакомиться с запрещенными трудаами Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова.

В 1870 году двадцатилетний Чах Ахриев поступает в Нежинский лицей и после его окончания становится чиновником правительственной администрации на Северном Кавказе. Чах Ахриев – снова на родной земле, помимо исполнения служебных обязанностей, он упорно работает над этнографией ингушей. В течение нескольких лет из-под пера одаренного молодого человека выходят замечательные научно-публицистические труды: начиная со статьи «Из чеченских сказаний» и кончая фундаментальным трудом «Ингушки». Главный смысл своей работы Чах Ахриев видит в приобщении ингушей к передовой российской культуре, в ознакомлении прогрессивной общественности страны с особенностями и своеобразием жизни маленького горского народа.

По мнению Чаха Ахриева, широкое развитие в крае системы просвещения было способно коренным образом изменить жизнь ингушей. Просвети-

тель приветствовал открытие в Назрани первого учебного заведения для горцев. Он писал: «...в Ингушском округе основано заведение с целью давать туземцам практические полезные агрономические сведения. Очевидно, что это заведение в высшей степени целесообразно, благотворность его для края до того очевидна, что не требует никаких комментариев для выяснения своего значения для туземцев в нравственном и материальном отношении».

Чах Ахриев, мечтая о лучшем будущем своего народа, возлагал особые надежды на просвещение, рост культурного и хозяйственного благосостояния и вполне логично сделал вывод, что необходимо устраниить из жизни ингушского общества все то, что мешает сближению с русским народом, приобщению к объективно доступным прогрессивным формам жизни. «Поэтому, — писал он, — в полутиком, например, ингушском крае начальные школы составляют существенную необходимость еще потому, что помимо сообщения научных знаний школьникам, вносят русский элемент в ингушский народ или подготавливают в нем способность не относиться враждебно к русскому влиянию». Такую реакционную силу, способную помешать русско-ингушскому единству, Чах Ахриев видел в исламе, в исламском духовенстве. Это последнее платило ему лютой ненавистью.

Чах Ахриев, как и первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев, выступал (насколько ему могли позволить обстоятельства того времени) против крайностей ислама, видя в них тормоз социального и культурного процветания северокавказских народов. Он относился к числу тех прогрессивных горцев, кто после окончания военных действий в нашем крае выступил с осуждением мюридизма и зикризма как приносящих вред решению истинно нарезвших задач развития своих народов. Чах Ахриев разоблачал духовенство, а то и откровенных шарлатанов, которые, используя суеверия в корыстных целях, наживались за счет трудящихся масс.

Весь пафос своих работ просветитель направлял на укрепление русско-ингушского единства. Не раз он писал в своих работах о «распространении между ингушами русской гражданственности». Все надежды на «приобщение горцев к цивилизации», «преодоление гнета бедности и невежества» он возлагал на Россию.

Мысли и идеи Чаха Ахриева былиозвучны идеям передовой русской интеллигенции. Но жили эти люди в царской России, где царил полицейский произвол, не терпевший ничего прогрессивного. Царские сатрапы делали все для того, чтобы посеять в крае непримиримую вражду между народами. С этой целью правительство отбирает горские земли, регулярно закрывает для горцев въезд в города и станицы. С плохо скрываемым гневом пишет Чах Ах-

сти свободно выезжать из своего аула в русские поселения для самых настоящих потребностей. Причина этого -- в обязанности для каждого ингуша при выезде в русское поселение брать билет от аульного правления с платою пошлины в 5 коп., ...для беднейших жителей, еле-еле перебивающихся черствыми чуреками, затруднение состоит в том, что они, не имея иногда ни одной копейки денег, не могут ни заработать, ни занять 5 копеек для уплаты билетной пошлины».

Творческая деятельность Чаха Ахриева продолжалась недолго. Царская администрация не потерпела «крамолы» и выслала молодого ученого в город Нууху (Азербайджан). Много лет спустя дочь первого ингушского этнографа Нина Ахриева вспоминала: «Он очень любил свой народ, но большую часть жизни по воле властей провел в Закавказье, в неофициальной ссылке... работать среди своего народа, на его благо и процветание, просвещать его, общаться с ним, жить его чаяниями и надеждами было сокровенной мечтой отца. Но царизм почти на всю жизнь оторвал его от родного народа».

Воспоминания дочери рисуют портрет страстного защитника интересов простых азербайджанских крестьян: «Отец не делал разницы между собою и людьми, стоящими по положению ниже его. Он сажал за общий стол бедняка в грязной и рваной одежде и делил с ним хлеб-соль».

Чаху Ахриеву не довелось увидеть, как на его родной земле восторжествовало братство народов, как из «тьмы веков» шагнул в социализм рука об руку со всеми народами нашей страны маленький ингушский народ.

Чах Ахриев умер в 1914 году во Владикавказе в возрасте 64 лет, в должности отставного надзирателя за казенными землями. Мы никогда не узнаем, о чем думал и о чем вспоминал он в свой последний час, измученный тяжелой болезнью. Знаем только, что завещал он похоронить себя в родном селении Фуртоуг. Он очень любил свой народ.

*Виталии Виноградов,
профессор,
Хадижат Техиева,
учитель-краевед*

«ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ Я ПЕРВЫЙ ПИШУ...»

«Чеченское племя» – так назывался труд, изданный в 1872 году. Издал его первый чеченский этнограф и историк Умалат Лаудаев. Он внес немалый

вклад в дело изучения края и создания основы зарождения русскоязычной национальной культуры. С его именем связано развитие просветительской мысли в дореволюционной Чечено-Ингушетии.

Будущий этнограф родился около 1830 года в селении Ногай-Мирза-Юрт (современное село Братское Надтеречного района) в семье довольно зажиточных и влиятельных, но передовых для своего времени людей, которые давно и прочно приняли перспективу социально-экономического и политического развития Чечни в составе единого Российского государства. Ориентация на Россию, правильное понимание ее роли в истории развития северокавказских народов, наличие тесных связей с российской администрацией на Тереке, определенные заслуги перед российским Отечеством предков Лаудаева и его отца сыграли решающую роль в судьбе чеченского подростка: после получения необходимых знаний и навыков в русском языке (в станичной школе для детей терских казаков) в июне 1838 года Умалат Лаудаев был зачислен на учебу во 2-й Кадетский корпус в Петербурге, куда и отправился через всю Россию.

Несмотря на атмосферу политической реакции в стране, годы пребывания в политическом и культурном центре перспективно развивающегося государства способствовали расширению жизненного кругозора юного чеченца, пробуждали в нем интерес к истории и этнографии своего народа. Возможно, решающую роль в формировании просветительских взглядов и устремлений Лаудаева сыграло его знакомство с кавказскими произведениями русской классической литературы того времени, а также и жадное чтение первых, сравнительно объективных и обстоятельных трудов по этнографии и истории горских пародов, выходивших из-под пера российских авторов.

Получив военное образование и первый офицерский чин, Умалат Лаудаев в самом начале своей службы принял участие в походе царских войск для подавления Венгерской революции 1848-1849 гг. Корнет-чеченец ничем особым себя в нем не проявил, но увидел и узнал очень многое. Затем до 1853 года служил в гарнизонах русской глубинки.

Последовавшее вслед за тем возвращение на родину (сам Умалат в качестве причины выдвигал состояние здоровья матери), по всей видимости, не сразу освободило Лаудаева от иллюзий относительно царской военно-политической линии на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует его энергичная служба в крепости Воззвиженской, участие в местных событиях подавления восставшего края. Но впоследствии, вслед за окончанием так называемой «Кавказской войны», пытливый ротмистр имел возможность существенно пересмотреть свою оценку происходящего в родной Чечне.

Шестидесятые годы XIX века характеризуются в жизни вайнахов формированием общественно-демократической и просветительской мысли, развивавшейся под благотворным российским влиянием. Во взглядах и мировоззрении У. Лаудаева также начинает формироваться новое прогрессивное направление по поводу оценки настоящего и будущего своего народа, несогласимое с практикой постоянных репрессий, которые обрушивали царские власти на «покоренную Чечню». Нельзя исключить, что именно эти взгляды обеспокоили его начальство и обусловили внезапную отставку и своего рода опалу перспективному офицеру из чеченцев.

Ярким свидетельством этих перемен стало издание крупной работы У. Лаудаева «Чеченское племя», в первых же строках которой ее автор с понятной гордостью написал: «Из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, еще так мало известной...»

В ней впервые сделана удачная в целом попытка дать общее представление о прошлом края. Хотя нельзя забывать, что некоторые положения работы продиктованы уровнем представлений своей эпохи, ограниченностью мировоззрения, но содержание всей статьи в делом создает у читателя довольно полное представление об одном из крупнейших кавказских племен, его исторической судьбе.

Едва ли не важнейшим мотивом труда Умалата Лаудаева является тема давних и преимущественно дружеских связей между чеченцами и русскими. Показывая всю уловимую для него сложность их становления, автор на протяжении всей статьи стремится показать российскому читателю, что отнюдь не военные действия второй трети XIX века определяли суть взаимоотношений между народами края, а давние и прочные исторические тенденции, обусловившие мирное и взаимовыгодное общение, политическое объединение и последующее постепенное социально-экономическое развитие народов внутри России. В этом – одна из важных прогрессивных черт работы Умалата Лаудаева!

Этнограф, вступая в известной мере в конфликт с расхожими, в том числе и официальными, мнениями своего времени, отнюдь не был защитником «родового строя», то есть извечной неразвитости общественной жизни Чечни. Несмотря на непоследовательность и издержки некоторых своих толкований, Лаудаев первым из местной среды затронул вопросы социальной структуры и общественного неравноправия у своего народа. Он показал наличие в нем «рабов» («холопов» по российской терминологии), частной собственности на землю, зависимости чеченцев от своих богатых сородичей, «тайповую неравноправность» в Чечне. Тем самым, этнограф фактически ос-

паривал официальную идею о полном равенстве и социальном единстве чеченского народа, которая была выгодна в то время для земельных махинаций царского чиновничества на Кавказе.

Смелы и откровенны рассуждения Лаудаева о социальной сущности мусульманства, о путях и времени проникновения к чеченцам христианства и ислама. Ценность соответствующих страниц его труда определяется прежде всего тем, что они основываются (как правило) на устной народной информации, на представлениях, бытовавших в близком семейно-родственном окружении исследователя (а происходил он из ичкерийского тайпа «чермой»).

Обращение Лаудаева к вопросам религии не случайно: именно в этот период северокавказские общественные деятели и просветители рассматривали религию как «тормоз», стоящий на пути развития и образования своих народов. Знаменательно, что чеченский этнограф не только впервые подверг чувствительному удару реакционную идею о «восточном» (арабском) происхождении чеченцев, но и связывал их формирование в единый народ и расселение своих земляков и сородичей с конкретной территорией нашего края и с реальными историческими событиями.

Поднимая голос протesta против темноты и невежества народных масс, Умалат Лаудаев с гражданским мужеством ратовал за то, чтобы чеченцы отказались от объяснений с позиций «религиозных сказаний» «различных случайностей жизни, непостижимых уму без помощи науки». Он показал, что в основе религиозности и суеверий народных масс лежит темнота, забитость, страх перед неведомым. Отсюда и вытекала необходимость нести просвещение и истинные знания в народ. Умалат не скрывал своего отрицательного, даже едкого отношения к догматичности, фанатизму, воинственной нетерпимости мюридистского направления местного «исламизма», о чем свидетельствуют также устные народные предания о Лаудаеве, до сих пор сохранившиеся в памяти надтеречных чеченцев.

Все это позволяет ставить вопрос если не об атеизме чеченского этнографа, то, по крайней мере, о зримом развитии его взглядов в сторону научного мировоззрения.

Публикация статьи сыграла определенную роль в судьбе Лаудаева, привлекла к нему внимание общественности России. К ней обращались Лев Толстой, кавказский краевед Н. Семенов и многие другие современники. Власти сняли опалу с автора. Однако к военной службе в пределах своего края этнограф больше не возвращался, ведя жизнь «статского» человека.

Зато в 1877-1878 годах в составе Чеченского конно-иррегулярного полка он участвовал в важнейших военных операциях против сultанской Турции

на Закавказском фронте, где проявил незаурядную храбрость и был удостоен высоких наград России.

Дальнейшая судьба и общественная жизнь Умалата Лаудаева пока неизвестны. Имеются лишь немногочисленные предания о нем и мимолетное упоминание в одном из архивных документов, что он в 1886 году являлся землевладельцем и занимался своим хозяйством.

В летописи культурной жизни нашего края, первых шагов русско-кавказского научного познания имя Умалата Лаудаева вписано навсегда. Будучи современником и участником сложных событий, разыгравшихся в нашем крае в середине XIX века, он искренне верил в то, что будущее его народа возможно только на пути укрепления единства с Россией. И всегда служил этой цели!

*Виталии Виноградов,
профессор,
Кемси Махмудова,
доцент*

«УМЕНИЕ СБЛИЗИТЬСЯ С ГОРЦАМИ...»

Осенью 1875 года Лев Николаевич Толстой в Ясной Поляне занят романом «Анна Каренина». Работа идет медленно, трудно; мучает нездоровье... В такие дни писатель особенно много читал. Тут и попал ему в руки «Сборник сведений о кавказских горцах», изданный в Тифлисе в 1868 году. Через несколько часов Лев Николаевич Толстой взволнованно писал Афанасию Фету: «Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которым я удивился... Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтически необычайные... Мне, читая, беспрестанно вспоминались вы. Вот вам образчик...» Далее шли выписки из двух чеченских песен, которые потрясли Афанасия Фета и обогатили российскую литературу поэтическими переводами на русский язык жемчужин вайнахского фольклора.

«Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Ни не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть! даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца...»

Посылая свои переводы, Афанасий Фет писал Льву Николаевичу Толстому: «Какая светлая и могучая прелесть Ваши кавказские песни...» А тот оценил переводы как «прекрасные»...

Эта одна из первых страниц русско-вайнахского поэтического содружества связана с именем Александра Петровича Ипполитова, опубликовавшего в названном выше сборнике обстоятельную и интересную статью «Этнографические очерки Аргунского ущелья». По поводу песен, вызвавших столь живую реакцию русских литераторов, автор писал так: «Хотя популярными их назвать и нельзя, но их знают однако же все местные горские барды...»

Эта реплика могла много сказать Толстому, напомнить ему уже давние годы, проведенные в Чечено-Ингушетии. Ведь в начале 1852 года он увлеченно записывал русскими буквами тексты чеченских народных песен и тут же, в дневнике, давал их подстрочный перевод. Исполнителями были его кунахи Садо Миссербиев и Балта Исаев. А теперь, спустя четверть века, Садо – офицер горской милиции и несколько лет назад служил переводчиком у энергичного и любознательного офицера и чиновника А.П. Ипполитова.

Знал ли о том Толстой? Возможно, что и нет. Но специалисты по вайнахскому фольклору считают вполне реальным, что Ипполитов «записал эти песни со слов Садо Миссербиева» (А.О. Мальсагов). А это значит, что староюртовский друг толстовской молодости поил из чистого родника горской поэзии двух столь несхожих по судьбам людей. Причем об одном из них сегодня известно немного.

...А.П. Ипполитов долго жил и служил в нашем kraе. Это было после прекращения военных действий в восставшей части Чечни. Он был сперва помощником начальника Чеченского (низовья Аргуна), а затем Аргунского горного округа Терской области. Дослужившись до чина полковника, Ипполитов к концу 60-х годов возглавлял Шатоевский округ. К тому времени он овладел чеченским языком, женился на чеченке и имел от нее детей... Его интерес к вайнахским этнографии и фольклору был серьезен и глубок. Много разъезжая, он слушал и записывал самобытные произведения чеченского устного творчества, изучал памятники их истории и культуры, пытался разносторонне осмыслить собираемую информацию.

Итогом этих неформальных, далеко выходящих из рамок службы усилий стала статья, опубликованная в 1868 году. Она имеет самостоятельное оглавление, то есть выполнена как книга, состоящая из отдельных глав.

Первая глава посвящена географо-этнографической характеристике Аргунского округа; во второй излагаются «суеверия и предрассудки горцев чеченского племени». Затем публикуются с необходимыми комментариями на-

родные сказания, в том числе такие шедевры, как «Песня о Хамзате», «Песнь об Эль-Мурзе», а также сказки и басни.

А.П. Ипполитов оказался, фактически, родоначальником российских публикаций чеченского фольклора. Не случайно в «Хаджи-Мурате» Лев Николаевич Толстой вновь обратился именно к статье Ипполитова, заимствовав из нее сюжет песни о гехинском Гамзате для воссоздания одного из самых драматических эпизодов своей кавказской повести. Ипполитовские записи историко-героических «илли» с тех пор не сходят со страниц изданий, посвященных устному творчеству вайнахов.

Последняя глава касалась сословного деления горцев, военного значения Аргунского ущелья во времена и после имамата Шамиля, а также содержала описание местных памятников древности. Она очень выигрывала от того, что была иллюстрирована цветными литографиями, изображающими боевые чеченские башни у крепости Шатой и разнообразные образцы древней бронзовой пластики (кубок, фигурки зверей, домашних животных и людей), найденные в Аргунском ущелье.

Между прочим, в вышедшем в 1986 году в Москве, в издательстве «Наука» сборнике «Новое в археологии Северного Кавказа» доктор исторических наук В.И. Марковин вновь уделил большое внимание этим великолепным образцам древней культуры, ставшим, благодаря А.П. Ипполитову, достоянием научной мысли.

Особую ценность труд Ипполитова имел еще и потому, что он излагал взгляд человека не только просвещенного, отлично знавшего местные условия, но и упорно размышлявшего над уроками недавнего прошлого и будущего этого полюбившегося ему края.

Военный человек и представитель государственной администрации, Александр Ипполитов ясно видел необходимость разностороннего освоения и развития глухого, отрезанного от плоскостных земель Аргунского ущелья, пережившего драму длительных военных действий в составе имамата Шамиля. Вот почему он уделил серьезное внимание проблеме строительства цепи российских крепостей вверх по Аргуну: от селения Зонах до Итум-Кале. Ипполитов не таил, что в 1858-1859 годах (отчасти и в последующее время) укрепления служили военно-стратегическим целям царской власти. Но вскоре они стали играть и важную роль благоприятного воздействия на местный общественный климат.

Благоустроенные по тем временам дороги между ними служили активизации внутренних связей в горной Чечне и с равниной. Торговые ярмарки и базары у их стен привлекали чеченцев. Само пребывание русских солдат –

вчерашних крестьян – в глубине чеченских ущелий, установление тесного знакомства, а то и куначеских отношений с жителями окрестных аулов приводили к обогащению хозяйственных к культурных навыков, стиранию неприязни на религиозной почве, к закономерному складыванию взаимного доверия и понимания общих целей борьбы против любых угнетателей.

Говоря о «разумных началах» нелегкого установления в крае общероссийских порядков, А.П. Ипполитов отмечал: «Что касается до покоренного народа, до его старого поколения, то материальное благосостояние, безопасность жизни и собственности его частных лиц, хотя в настоящее время осознаны им и ценятся, но не настолько, однако же, чтобы исключить в глазах, если не массы, то отдельных личностей, возможных всяких попыток к очередному мятежу...» Он излагал свою программу сближения с горцами, наглядного раскрытия им «преимуществ настоящей жизни перед жизнью прошлой».

И здесь ему казалось очень важным правильно попять последствия длительной власти Шамиля для аргунских чеченцев. Отвергая «различные базисы» про местных жителей (в том числе и исходящие от зажиточных равнинных вайнахов), высмеивая чванливое отношение к ним, автор размышлял: «Покорение Аргунского ущелья совершилось быстрее, чем можно было предполагать. Причина, впрочем, понятна: горцы были измучены войной, а главное – они были утомлены беспощадным деспотизмом Шамиля, губившего людей ради собственных корыстных целей. Рассказы про него надо слушать именно в горах, где его глубоко и справедливо ненавидят, а чем далее от гор, тем уважение к нему усиливается пропорционально расстоянию. Между тем здесь до сих пор народ вспоминает о нем с ненавистью за его жестокость и корыстолюбие».

В этих суровых, но правдивых словах отразилась истинная реальность, которую А.П. Ипполитов пытался осмыслить во всей ее сложности и противоречивости. В ряде оценок он ошибался или не умел найти правильный ответ, будучи скован классовой узостью своего мировоззрения. Но всем примером своей службы, личного отношения к горцам, исследовательского интереса к ним, Александр Петрович как мог содействовал постепенному росту и укреплению взаимного доверия между нашими народами, которое питалось традициями длительных взаимосвязей и прошло через все испытания.

Примечательно, что с именем «Полетана» (так называли чеченцы Ипполитова) связано несколько памятных мест в округе ущелья Чанты-Аргуна. У селения Харсеной, где жили в своем поместье А.П. Ипполитов, его жена Медни Гудантовна Мударова и подрастал их сын Николай, старожилы пока-

жут вам «Полетай мохк» («Землю Ипполитова»). А близ селения Зонах доживает свои дни «Полетай попи» («Чинара Ипполитова»). Так именуют старинное, высохшее уже дерево, спасшее, но преданию, от гибели в пропасти Александра Ипполитова и его семью, когда кони понесли их коляску по опасной горной дороге...

...Прошло более века. Но память об одном из первых исследователей этих мест жива в народе.

*Виталий Виноградов,
профессор,
Марина Мехтиева,
студентка*

У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ

Сборник статей и очерков Николая Сергеевича Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» увидел свет в Петербурге, в. 1895 году. Автор его – чиновник российской государственной администрации на Кавказе – был человек любознательный, пытливый, увлекающийся. Служа на различных должностях, сперва в Грозненском, а затем Владикавказском округах, он много раз, начиная с 1866 года, когда был еще «совсем юным», бывал в чеченских, кумыкских, ногайских, ингушских аулах; стремился ближе познакомиться с бытом, культурой, психологией их обитателей.

Свои впечатления старательно фиксировал, обдумывал и излагал в краеведческих статьях и зарисовках, публиковавшихся в кавказской периодике («Русский вестник», «Терский сборник», «Терские ведомости»), а потом лучшие из них объединил в отдельный сборник. В предисловии к последнему руководство Кавказского отдела Русского географического общества отмечало, что статьи Н. С. Семенова «могут оказать существенную помощь к распространению весьма интересных, но мало известных науке Кавказоведения, сведений об этнографии пародов Терской области».

Действительно, исколесив за 30 лет службы едва ли не весь Северный Кавказ, один из первых краеведов Чечено-Ингушетии побывал в высокогорных вайнахских обществах Чеберлой и Галгачу, объездил всю Ичкерию (юго-восточную Чечню, Нохчой-Мохк) и Аргунское ущелье. Часто гостили у кунаков и сельских старшин плоскостных селений Чечен-Аул, Герменчуг, Шали, Автуры, Джалка, Сержен-Юрт, Алды, Урус-Мартан и многих других. И везде, где бы ни был, он внимательно и со все возрастающей исследовательской

трезвостью вглядывался в окружающее, стремясь понять его и поделиться с другими своими наблюдениями, мыслями. Нужно подчеркнуть, что первоначальные характеристики, данные автором на наших земляков из прошлого столетия, были поверхностны, порой даже резки и язвительны, далеко не во всем объективны. Сталкиваясь в связи со своей службой с нешироким, сперва, кругом лукавых и хитромудрых представителей старшинской верхушки в чеченских селениях, с угодливыми и своекорыстными служаками царизму, ретивый молодой чиновник Н.С. Семенов был склонен переносить их черты на весь народ. Например, признавая «выносливость, смелость, ловкость и практичность» чеченцев, он на первых порах был не прочь приписать им всем подряд эгоизм, хитрость, отсутствие глубокой любви и великодушия, врожденный консерватизм.

Однако шли годы, углублялось познание окружающего, и взгляды краеведа менялись. Он пристально всматривался вокруг и, метко подмечая сложности, находил рядом с собой все больше доброго, разумного, изменяющегося в лучшую сторону. С явной ironией к самому себе краевед писал в предисловии к сборнику 1895 года о том, что за более чем четверть века своих наблюдений он прошел поучительный путь от той поры, когда «хмелем кудри вьются» и рождаются «скороспелые и нестройные отвлеченные выводы», до времени, когда «кругозор стал шире и охлажденная годами мысль стала работать спокойнее и ровнее».

Чем дальше, тем чаще и основательнее он старался вскрыть глубинные исторические и жизненные корни горских обычаяй и черт характера и определить те средства, при помощи которых станут все теснее сплетаться судьбы русско-кавказского единства.

Сталкиваясь со многими кавказскими народами, Н.С. Семенов к моменту создания своего сборника статей явно выделял своим вниманием чеченцев – «племя, которое я изучал больше, чем другие племена, и которое, по своей многочисленности, по своей цельности и жизнеспособности, заслуживает большего интереса...». Именно на примере чеченцев предгорной зоны он попытался охарактеризовать те многозначительные перемены, что происходили в жизни и характере горцев 60-90-х годов XIX века, когда на первый план вышли «уже не шашка и пистолет, – привычные орудия отцов, а плуг, серп, коса, топор, пара хороших волов, аршин, бумага с пером и чернилами... другие привычки, другие взгляды на вещи...».

В книге есть и такие строки, подсказанные долгими наблюдениями за людьми, много перенесшими в годы так называемой «Кавказской войны»: «Интересно, что русских они (чеченцы) делят на настоящих и ненастоящих...

Настоящий русский – в этом они убеждены – человек в высшей степени добродушный, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий русский никого не обижает, а, напротив, всем покровительствует...» Чувствуется, что и сам Семенов гордится такими «настоящими русскими» и старается занять место среди них.

...Будучи несколько лет членом Ичкерийского (Веденского) окружного управления, Н.С. Семенов, овладев уже чеченским языком, увлекся устным народным творчеством. Он записал (с обязательными пометами: «Записано в Ичкерии», «...в Аухе», «...в Галгаевском обществе» и т.п.) образные вайнахские предания. Среди них: легенды об озере Кезеной-Ам, о боевой Харачоевской башне, о могиле «сестры семи братьев», Ялхой-Мохке и другие. Были записаны им и героические песни (в том числе о «Юном Эстемире»), целая серия сказок.

При содействии Н.А. Благовещенского – известного деятеля кавказской публицистики – Н.С. Семенов собрал их в отдельную книжку «Сказки и легенды чеченцев», которую издал во Владикавказе в 1882 году. В этой (фактически первой!) публикации ярких образцов сокровищницы вайнахского фольклора он вполне основательно подчеркнул их близость образцам русского народного творчества и стран Востока.

Н.С. Семенов впервые придал значение и такому своеобразному источнику по истории края, как арабоязычные фамильные или личные записи («таптиры»). Он извлек из рукописи ичкерийского кадия Шамиля Каратаева и опубликовал на русском языке «Предание о происхождении чеченцев», сопоставив его с вариантами «таптиров», известными ему в Ножай-Юрте, Ярык-Су, Аухе и посыльно проанализировав с привлечением, в частности, сопражений первого чеченского этнографа и историка Умалата Лаудаева.

Еще позднее, в российском «небольшом укреплении Ведень» (где «отношения между гарнизоном и окрестным населением до того мирные и дружественные, что некоторые из представителей населения давно живут в самом укреплении, а за стенами его еженедельно устраиваются базары...») Николай Семенов в феврале 1886 года впервые столкнулся с археологическими находками в разных местах Ичкерии и близлежащих районов плоскостной Чечни. Они происходили из старинных могильников, разрушавшихся порой случайно, по чаще раскапывавшихся кое-кем из горцев преднамеренно – с целью наживы от продажи древних предметов, на которые в те годы пошла мода в «просвещенных» и научных кругах России.

К чести Семенова, он глубоко заинтересовался этими обстоятельствами, объездил ряд селений, встретился с людьми, собрал, осмотрел, описал и тем

самым спас для науки многие ценные находки. По следам свежих наблюдений он создал живой и научно полезный очерк «Чеченцы – археологи», впервые, пожалуй, привлекший внимание кавказской общественности к стихийно рождавшейся и отнюдь не безобидной страсти.

Но еще важнее, что Семенов (после знакомства с именитым российским археологом А. А. Бобринским, посетившим по его зову наш край и изучившим несколько памятников старины) сам занялся «правильными раскопками». Он начал их с 1888 года на древних могильниках у селений Ведено, Харачой, в других местах Ичкерии и Аргунского ущелья. В Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее хранилась пожелтевшая от давности объемистая папка, содержащая рисунки и описания расчищенных погребений и вещей, найденных в них. А сами выразительные материалы находятся в Государственном Историческом музее в Москве.

Долгие часы бесед Семенова о древностях с сельчанами в разных углах Чечни, его собственные раскопки на глазах людей, публикации в прессе побудили к более серьезному отношению некоторых из земляков того времени к древностям родного края. Так, зажиточный шалинец Ш. Борщигов в конце XIX века собрал в окрестностях родного села замечательную коллекцию древних предметов, включающую каменные булавы, наконечники стрел, бронзовые украшения, привезенные из древнего Египта амулеты с фигурками львов. Все эти вещи и сегодня бережно хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, привлекая постоянное внимание специалистов-кавказоведов.

Многие современные ученые – этнографы, фольклористы, археологи, историки – обращаются к разнообразному краеведческому наследию Н. С. Семенова. Критикуя его промахи, слабую методику, сословную ограниченность общественных взглядов, ошибочность иных из оценок, они с благодарностью используют положительный опыт одного из первых местных исследователей, попытавшегося понять историческую судьбу нашего края и его населения, рассказать о ней широким кругам российских читателей, публикуя свои работы в Тбилиси, Владикавказе, Петербурге и Москве.

Вот почему выдающийся археолог и кавказовед, лауреат Ленинской премии, профессор Е.И. Крупное в своем фундаментальном труде «Древняя история Северного Кавказа» справедливо причислил Н. С. Семенова к той небольшой, но «активной группе местных дореволюционных интеллигентов-краеведов, для которых наука не была ни специальностью, ни долгом службы. Самоотверженно трудясь и собирая в часы досуга свидетельства былого, они сохранили для будущих исследователей нередко ценнейшие ис-

точники по истории одной из интереснейших областей нашей Родины – Северного Кавказа».

*Башир Хашегульгов,
аспирант,
Ламара Умарова,
учитель-краевед*

ПОД ЗНАМЕНА РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наместник царя на Кавказе – князь Барятинский имел громкую славу «непобедимого полководца». Он стяжал ее себе в войне с плохо вооруженными горскими повстанцами. Однако, мало кто знает, что осыпанный царскими наградами «воитель» вел еще одну войну, в которой потерпел сокрушительное поражение. «Вражеская крепость», которую начал штурмовать наместник 26 мая 1860 года, находилась вовсе не в горах Чечни и Дагестана, а в губернском городе Ставрополе. Это была знаменитая в ту пору... Ставропольская классическая гимназия. Еще в 1859 году 20 сочинений ее воспитанников не было допущено к существовавшим тогда «публичным чтениям» по той причине, что они содержали «такие мысли, которые никоим образом не могли быть почерпнуты в классах гимназии». Поэтому 26 мая 1860 года наместник отправляет послание императору Александру II, в котором с тревогой указывает: «...учебное сословие в России внушает дерзкие понятия независимости к местным начальникам, подрывает вообще авторитет власти и порядка». Принятые по указанию Александра II административные меры не достигли желаемой цели, и в последующие годы в стенах гимназии продолжали по-прежнему подниматься ростки вольнодумства. Князь Барятинский, пленив имама Шамиля, вскоре ушел на покой, а из гимназии уходили в большую жизнь будущие революционные демократы – Герман Лопатин, Михаил Фроленко, другие. В числе этих бунтарей были и наши земляки Адиль-Гирей Долгиев и Инал Бекбузаров. Об одном из них наш рассказ.

Адиль-Гирей Алмазович Долгиев родился в селении Далаково в простой ингушской семье. Его, как и большинство сверстников, ждала бы беспросветная жизнь бедняка-крестьянина. Но в середине XIX века все больше проявляются прогрессивные последствия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Наряду с прекращением патриархальной и феодальной анархии, созданием благоприятных условий для развития экономики появились и первые ростки просвещения среди горских народов. Этому, в

немалой степени, способствовали дальновидные и прогрессивные представители администрации, которые стремились приобщать горцев к российской культуре, создавали школы, добивались открытия «вакансий» для представителей северокавказских народов в таких авторитетных учебных заведениях, как Ставропольская гимназия.

Адиль-Гирей Долгиев и стал одним из первых, наряду с Чахом Ахриевым и Иналом Бекбузаровым, ее учеников из числа наших земляков. Медленный, но неуклонный переход России на рельсы капиталистического строительства привел к тому, что состав учащихся стал более демократичным. Если в первой половине XIX века доступ к образованию у горцев получали в большинстве своем представители феодализированной верхушки, то теперь это стало возможным и для детей некоторых «поселян», к которым относились и семья Долгиевых.

Ингушскому юноше, с раннего детства познавшему тяжесть крестьянского труда, нужду и бесправие, были особенно близки и понятны революционные идеи, проникавшие в среду учащейся молодежи, несмотря на деятельность таких консерваторов, как князь Барятинский. Действительность Ставрополья, где еще свежи были воспоминания о кровавом подавлении крестьянских выступлений предреформенного периода, позволила Адиль-Гирею убедиться, что жизнь простых горцев, так хорошо ему знакомая, мало чем отличается от жизни русских хлеборобов: тот же непосильный труд на жалких клочках земли, та же нужда и тот же произвол богатеев и приставов. А знакомство с произведениями российских революционных демократов привело юношу к единственно правильному выводу: путь к достижению счастья маленького народа неотделим от общей борьбы против самодержавия в России.

Но окончательно, как революционер, Адиль-Гирей сформировался в далеком Петербурге. По окончании учебы в гимназии он изъявил желание продолжить учебу на юридическом факультете Петербургского университета. Семья Долгиевых, добывавшая себе пропитание крестьянским трудом, не могла позволить себе таких больших расходов. Тогда помогли односельчане: поддержанный аульным сходом Адиль-Гирей сумел преодолеть все бюрократические рогатки и вскоре стал студентом.

К этому времени яростные удары приближающейся революционной бури начали сотрясать стены крупнейших городов Российской империи. Особую активность проявляло революционное студенчество, которое Александр Герцен с полным основанием назвал «фалангой героических молодых людей». Адиль-Гирей, как и многие его земляки, принял участие в революционных выступлениях. В то время в Петербургском университете студенты-

кавказцы группировались вокруг русской революционерки Каноновой. Особого накала революционные выступления студенчества достигли весной 1869 года, на многочисленных сходках звучали выступления, в которых требовались политические свободы, гневно осуждался полицейский произвол.

В результате репрессий царских властей Адиль-Гирей Долгиеев в числе других мятежных студентов оказался в мрачных казематах Петропавловской крепости. Так символично пересекся путь одного из первых революционных демократов нашего края с судьбами лучших представителей русского народа, — прошедших через страшную цитадель.

Царские власти применили к Адиль-Гирею широко распространенную в то время «меру пресечения»: доставленный под конвоем жандармов во Владикавказ, а оттуда в родной аул, он, согласно предписанию «ober-палача» Петербурга Трепова, должен был находиться под неусыпным надзором полиции «без права отлучки с места жительства».

Деятельный юноша не мог смириться с таким положением, он настойчиво и упорно добивается права на применение своих знаний и становится учителем недавно созданной Назрановской школы. В этой школе он твердо противостоит притязаниям местного духовенства превратить ее в некое подобие мусульманской школы «медресе». Вместо заучивания арабских заклинаний Адиль-Гирей Долгиеев неустанно трудился над обучением детей русскому языку, старался привить им знания об окружающем мире, рассказывал о бесправной, но великой стране, в которой они живут.

Бывший узник Петропавловской крепости не отошел от революционной борьбы, Адиль-Гирей, несмотря на запреты полиции, постоянно бывал во Владикавказе, где к тому времени уже находились многие из однокашников Долгнева, высланные за участие в студенческих волнениях. Известно, что членами кружка уже упоминавшейся Каноновой в начале 70-х годов во Владикавказе была создана народническая организация. Специфические условия тогдашней подпольной работы не позволяют сейчас восстановить имена всех ее участников. Косвенные данные говорят о том, что Адиль-Гирей Долгиеев был близок, например, с осетинскими народниками – братьями Панаевыми по сотрудничеству в газете «Терские ведомости». Эта газета, ставшая рупором прогрессивно настроенных общественных деятелей Северного Кавказа, была основана в 1868 году. В «Терских ведомостях» часто выступали наши земляки Чах Ахриев, Николай Семенов, а позднее и основоположник осетинской литературы, революционер-демократ Коста Хетагуров.

Недюжинные способности Адиль-Гирея Долгиеева вызывали к нему уважение многогнационального коллектива газеты, он продолжительное время

работает ее редактором. Все это время Адиль-Гирей не оставлял попыток вернуться в Петербург для продолжения образования. Тем более, что там снова нарастила волна революционного движения среди студенчества. Нелегкая борьба завершилась победой: в 1873 году Долгиев становится студентом медико-хирургической академии. Подтверждением его активной революционной деятельности стал последовавший вскоре повторный арест. И снова под конвоем жандармов Адиль-Гирей Долгиев этапируется в Терскую область. На этот раз власти неусыпно наблюдают за «неблагонадежным» студентом. Они, видимо, получили новые свидетельства «крамольной» деятельности Адиль-Гирея Долгиева, и его отправляют в новую ссылку в Закавказье. Нет подробных данных о жизни Адиль-Гирея в Тифлисе, где, по сведениям краеведа-историка Шукри Дахильтгова (первого, кто обстоятельно осветил жизнь революционера-демократа) он работал библиотекарем и умер, так и не увидев родной земли.

Волнующая судьба Адиль-Гирея Олмазовича Долгиева во многом закономерна. Она показывает, как от тесного знакомства, совместной борьбы против внешних врагов лучшие представители чеченского и ингушского народов вступали в один строй с деятелями русского и общероссийского освободительного движения в борьбе с царизмом за светлое будущее трудящихся. Революционно-демократический этап, в котором участвовал Адиль-Гирей Долгиев, Инал Бекбузаров, другие наши земляки, не привел к свержению царизма. Эта задача была выполнена через несколько десятилетий рабочим классом России во главе с ленинской партией большевиков. В той борьбе приняли участие вместе с грозненскими и владикавказскими пролетариями и широкие крестьянские массы чеченцев и ингушей. Но нельзя забывать, что истоки совместной революционной борьбы уходят в те времена, когда наши земляки в 60-х годах XIX века впервые вставали под знамена Российской революции.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В судьбе каждого народа есть такие поворотные моменты, которые впоследствии на целые столетия определяют его жизненную перспективу. Для чеченцев и ингушей, других северокавказцев одним из таких моментов стало завершение процесса вхождения в состав Российской государства. Вот уже какое столетие не разжимается рукопожатие народов, несмотря на любые испытания, не слабеет в лучших из сограждан чувство, что они «одной Державы и Отечества дети».

Сборник, который лежит перед вами – первый опыт историко-публицистического анализа деятельности конкретных исторических деятелей на ниве становления и укрепления русско-кавказских отношений.

Горские вожаки XVI века Ших и Салтан и отдаленные от них на три столетия первые просветители и революционно-демократические деятели, с которыми вы познакомились благодаря очеркам этой книги, люди абсолютно разные, и жили они в разных исторических условиях. Но все они (как и другие герои книги) проявляли живой интерес к судьбам земляков и соседей, пытливым и трезвым умом преодолевали характерные для их современников предрассудки в понимании исторической действительности, отдавали свои силы благородному делу исторического сближения народов.

Благодарная память потомков – вот достойный памятник тем, кто порою даже ценой своей жизни закладывал фундамент прочного здания дружбы и процветания всех народов нашей страны. Ведь история русско-чеченско-ингушских, как и иных, взаимоотношений наполнена самыми разнообразными событиями: знала она периоды взлетов, но были и присущие ей «смутные времена». Сами по себе факты истории неравноценны, а потому, руководствуясь мудрым советом В.И. Ленина, необходимо отделять «факты» от «фактиков», события прогрессивного, передового характера от явлений, тормозивших поступательный ход истории.

Известно, что богатое и поучительное прошлое нашего региона дает щедрый материал о преодолении этнической замкнутости, религиозной противопоставленности и патриархально-общинной косности в годы противоборства грабительским иноземным вторжениям, в период освободительных движений народных масс. И эти, уходящие в глубь веков ростки формирования интернациональных чувств, усиливавшиеся в результате со-

вместной классовой борьбы, были гарантами развития подлинно демократического, а затем и революционного сознания всех народов нашей многонациональной страны – родины и победы Великого Октября.

Развитие же истинно прогрессивного, устремленного в будущее мировоззрения – это, как подчеркивают специалисты, «не только приобретение новых идей, но и отказ от старых иллюзий, изживших себя традиций. Это процесс, в котором сочеталось появление новых представлений и мучительная переоценка старых, ошибочных. Сперва он происходил в умах отдельных деятелей, а затем у целых поколений. Процесс усложнялся, темп его изменился под воздействием различных факторов. Но с каждым шагом экономического, социального и политического прогресса он приближался к великой цели достижения полного освобождения трудящихся масс от любых форм гнета и несправедливости». Долог и труден был этот путь, требовавший не только дальновидности, но и гражданского мужества от людей, вставших на него.

Его не в силах прервать тяжкие коллизии последних десятилетий!

Сейчас изменилась страна, побеждают, казалось бы другие ориентиры и ценности.

Но и в Гимне Российской Федерации звучит основополагающий принцип нашей государственности: «Братских народов союз вековой!»

Да будет так всегда!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>НАВЕКИ В РОССИИ (от редакторов)</i>	3
<i>Карина Бараненко, Виталий Виноградов</i>	
<i>ПОМОЦЬ ЖДАЛА В ГОРАХ</i>	5
<i>Виталий Виноградов, Светлана Голованова</i>	
<i>ВЕСТИ ИЗ XII ВЕКА</i>	6
<i>Сераждин Умаров, Валерий Литвиненко</i>	
<i>ВЫБОР НА ВСЮ ЖИЗНЬ</i>	10
<i>Тамара Магомадова, Валерий Литвиненко</i>	
<i>«РОССИИ СЛУЖИТЬ ХОЧУ...»</i>	12
<i>Виталий Виноградов, Зарема Кипкеева</i>	
<i>АРТУТАЙ – ДРУГ МОСКВЫ</i>	16
<i>Виталий Виноградов</i>	
<i>ДОРОГА К МОСКВЕ</i>	18
<i>Башир Хашегульгов, Валерий Литвиненко</i>	
<i>«ОТ КИШТИНСКОГО НАРОДА ПОСЛАН Я...»</i>	21
<i>Виталий Виноградов, Хамид Мамаев</i>	
<i>«ТАМОШНЕГО КРАЮ КОМЕНДАНТ...»</i>	24
<i>Сёраждин Умаров, Малика Гортикова,</i>	
<i>«СЛАВНЫЙ БЕЙБУЛАТ»</i>	28
<i>Виталий Виноградов, Сераждин Умаров</i>	
<i>ГЕРОЙ НАРОДНЫХ СКАЗАНИЙ</i>	31
<i>Павел Виноградов, Руслан Сагаев</i>	
<i>ПУТЕШЕСТВУЯ ПО КАВКАЗУ</i>	35
<i>Бухади Ахмадов, Наталья Великая</i>	
<i>УЧИТЕЛЬ</i>	38
<i>Башир Хашегульгов, Руслан Сагаев</i>	
<i>«ОН ЛЮБИЛ СВОЙ НАРОД...»</i>	41

<i>Виталии Виноградов, Хадижат Техиева</i>	
«ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ Я ПЕРВЫЙ ПИШУ...»	44
<i>Виталии Виноградов, Кемси Махмудова</i>	
«УМЕНИЕ СБЛИЗИТЬСЯ С ГОРЦАМИ...»	48
<i>Виталий Виноградов, Марина Мехтиева</i>	
У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ	52
<i>Башир Хашегульгов, Ламара Умарова</i>	
ПОД ЗНАМЕНА РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	56
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	60

Подписано в печать 17.12.2007 г. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 4,0. Уч. изд. л. 4,25. Заказ 2514-у. Тираж 500.

Открытое акционерное общество «Армавирское полиграфпредприятие», 352900, Краснодарский край,
г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.